

НЕЖНОСТЬ
ГЛАВНЫЙ
ДЕФЕКТ

ДИКИЕ ДОМАШНИЕ

ДЕРЗОСТЬ
ШАНС
НА ЖИЗНЬ

ЮЛИЯ СИНИЦА

ДИКИЕ
ДОМ-
ХОЗЯИНИ

Юлия Сеница

Дикие домашние

<https://litres.ru/73891534>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире вечных сумерек нежность — самый опасный дефект.

ОНА — ДИКАЯ

Рыжая бунтарка из развалившейся избушки в самой глуши леса. В реальности, где Купол стер с неба солнце и луну, она мечтает лишь об одном — надеть форму солдата Аннаме. Она верит, что сила города подарит ей безопасность, и не знает главной правды: в Аннаме таких, как она, уничтожают.

ОН — СЛОМАННЫЙ

Образцовый инструмент системы, присланный в тайгу, чтобы исполнить приговор. Но когда из тени вышел зверь, рука «цели» спасла жизнь врага. Теперь он — её должник. Человек, чья броня скрывает пугающую мягкость, а тихая забота разрушает её защиту быстрее, чем ледяной ветер.

ОНИ — ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС

Тайга задыхается под Куполом. Чтобы вернуть миру свет, им придется пойти против всего, во что они верили. Ей — осознать, что дом её мечты станет её могилой. Ему — предать присягу ради той, кого он должен был убить.

Он научит её доверять. Она научит его дышать.

Юлия Сеница

Дикие домашние

Любимым моим москвичам посвящается: Светлане и Сергею, Надежде и Владиславу, Олегу, Павлу. Без Вас я бы не справилась.

Спасибо за вашу доброту.

Пролог.

Девушка кубарем скатилась с отполированной горки. Если бы не грубые мешки с плодами внизу, она бы распласталась по сырой земле.

Когда же я начну сперва думать?

Впереди, словно статуя посреди поля или пугало, от ворон, хотя птицы тут не водились, перед ней предстал одинокий силуэт. Она сразу поняла, кто стоит перед ней.

Женщина с прозрачными, гладко зачесанными волосами окунула испачканные в грязи руки в ведро с водой. Мутные капли падали на строгое белоснежное платье, усыпанное кристаллами. Поверх него был накинута тяжелый халат из парчи с высоким воротником, скрывающим массивные серьги-треугольники. На подол сатиновой юбки у колен налипли комья бурой земли.

Позади женщины бесконечными рядами тянулись грядки. Кое-где из-под укрывного материала уже проклевывалась молодая кустистая зелень. Ледяная королева вытерла лоб тыльной стороной ладони, заметив приближающуюся к ней бойкую фигурку.

— За что ты меня ненавидишь? — издалека крикнула девушка, отряхивая по пути подол черного платья от тонких усиков пшеничных колосьев. Ее седые волосы устало тянулись из-под серебристого капюшона до дерзко расправленных плеч.

— Ты здесь и этого достаточно, — буднично ответила ей женщина, дождавшись, когда та подойдет достаточно близко.

— О! Спасибо за теплый прием, — бросила девушка ей в ответ и пнула горку зеленоватых корнеплодов под ногами.

— Так мы принимаем незваных гостей. Но ты ещё можешь все исправить, — женщина вытерла руки о свой роскошный халат и склонилась, поднимая с земли грязный корнеплод с сочной зеленой ботвой.

— Тогда я заслужу радость встречи? — голос девушки по-прежнему сдержан, но ещё чуть-чуть и перейдет на крик.

— Хватит. Вернись откуда пришла, — женщина цепко счистила пальцами с хвостатого корнеплода клочок земли. Невзрачная редька заботила её куда больше, чем стоящая перед ней девчонка.

— Да что с вами всеми не так?! В связи с недавними со-

бытиями тебя понизили до агронома Аннаме? Любительница грядок и ботвы. Это даже звучит невероятно, не то что...

— Здесь все зависит от моего решения, — перебила её женщина и приблизилась к девушке угрожающе близко выходясь над ней. — Неужели ты так и не поняла, что есть вещи поважнее любви? — женщина макнула плод в ведро и крутила перед собой, продолжая его отмывать.

— Власть важнее. Сила. Я так думала. Раньше, — поправила себя девушка.

— Хочешь излить душу? Валяй. Но! Лучшее — исчезни. Из тебя никогда не получится та, какой ты мечтаешь быть. Все твои желания — сказка. Открой глаза и посмотри в реальный мир. Что ты там видишь? Одна сплошная ложь, как и ты сама, — глава надломила сочную ботву и отломив бросила на землю.

— Значит ты никогда не жалела? — спросила девушка, отчаянно сдерживая слезы.

— Ты все равно, не поверишь. — женщина крутила корнеплод в руках.

— Если я уеду это что-то изменит?

— Боюсь уже нет.

— Тогда почему не признаться? Очевидно ты любишь землю, иначе сидела бы сейчас на своем троне, а не на научном поле. Расскажи всем правду.

— Она никому не нужна, всем нужна красивая сильная иллюзия, в которую выгодно верить, а правда бывает острой.

Подумай, что станет с теми, кто верил все эти годы? Думаешь это легко? Вспомни себя, когда весь твой мир рухнул? Тебе было легко? — женщина потеряла запястья, а девушка посмотрела по привычке на небо и резко мотнула головой, удивляясь увиденному. Оно служило немым подтверждением, что у неё получилось. У них получилось. — Другим будет ещё хуже! — в конце женщина назвала её имя, и девушка резко закрыла ладонями свои уши, прижимая к голове гладкую ткань капюшона.

— Нет, — рявкнула девушка, отрицая от себя услышанное. Она не имеет права его произносить.

— Тогда зачем ты здесь? — зло прищурившись спросила женщина и ухмыльнулась, а девушка вяло опустила руки вдоль тела.

— Я пришла чтобы убить тебя. Вчера ты отдала такой же приказ! — девушке до смерти хотелось сказать, что она здесь просто ради встречи, но ком в горле не дал добавить ни слова. Она лишь крепче сжала кулаки.

— Теперь ты понимаешь, без жертв не обойтись. Сможешь ли ты спать спокойно после своей правды?

— А ты? Тебе теперь хорошо спится? Как ты можешь быть такой... черствой! — Девушка топнула ногой, из последних сил сдерживая гнев и подступившие слезы.

— Не суди меня. Слишком долго я шла к этому, — женщина обтерла подолом остатки грязи на редьке и выбросила его себе за спину. Глухой стук плода о землю прозвучал в

тишине как окончательный приговор.

Девушка готова была кинуться к этой женщине раскрыв объятия, заглянуть в её строгие глаза, но знала: та оттолкнет. Также, как только что отшвырнула корень— бросит и не оглянется. Поэтому она достала кинжал.

Глава 1.

Ризна жила с дедушкой сколько себя помнила. Бревенчатая изба с покосившейся крышей, беленая когда-то печь, на которой она грелась особенно скрипучими морозами, хлипкий стол, уставленный бочонками с вяленным мясом и соленьями, были её миром. Развешанные под потолком бусы из сушеных ягод, грибов и трав, привносили сюда съедобные запахи и пусть и блеклых, но всё же красок, которых здесь не доставало. Дед научил ее всему: читать, писать и самое главное охотиться, терпеливо выслеживая добычу.

— Ризка. Айда, — говорил он, перед тем как поведать ей что-то новое. Девочка словно собака поднимала голову, распрямлялась и следовала за ним прихрамывая. Этот недуг был с ней сколько она себя помнила и вовсе не беспокоил, потому и причин возникновения никогда не искала, смутно понимая, что— то с ее ногами, а что и почему не важно.

— Поспешай. Поди к вечеру вертаемся.

Прикрепляя к деревянным снегоступам хвойные ветки, они заметали свои следы, на девственной снежной глади.

Её кожа привыкла к колкому морозному воздуху, но толь-

ко нос отказывался, всегда особенно крича своим алым красом.

— Это тебе от бабки достался красный подарок и кожа, как молоко. Ей благодарствуй, — крякал он скупым смехом.

Красный, значит красивый, рассуждала она, поэтому не обижалась, но тут же поднимала шерстяную серую шаль до самых глаз, прячась в пуховых переплетенных нитях шерстяного полотна.

Голову покрывала меховая, вечно сползающая на глаза объемная шапка. Возможно тоже бабкино наследство, но она не решалась спросить о такой мелочи. На её со временем редующие расспросы Дед всегда отмалчивался, изредка ограничиваясь парой слов или невнятным бурчанием.

Над ее головой всегда было одно и то же статичное небо, но она все равно ежедневно по привычке задирала голову.

Пробираясь по густому лесу, они искали следы на снегу, если им везло, то к обеду тащили на спине связку зайцев. При большой удаче попадался тетерев или глухарь. На хищников крупнее они не рисковали охотиться и замечая следы делали большой круг и обходили стороной.

Избегать схватки с волком или кабаном, имея на двоих один лук, копьё и кинжал было разумной стратегией. Но случались исключения и одно стало смертельным, когда они столкнулись с медведем, истощенным бесконечным серым днем, их внезапное появление разгневало его ещё сильнее и он кинулся на дедушку, повалив на снег.

— Дуреха, тилипай, едрит твою, — громко крикнул ей Дед, пока медведь навис над ним всей тушей.

Ты не сделаешь меня сиротой, мохнатое чудовище, лучше убей меня, пронеслось в её голове. Из ее глотки на свободу вылетел разъяренный заутробный рык, а потом вой. Она вложила в него весь свой страх одиночества и отчаяния.

Медведь быстро утратил интерес к седому старичку и повернул свою огромную мохнатую головищу и раскрыл пасть, вступив с Ризной в поединок. Новый вопль ненависти к чудовищу, вырывался изо рта, с алыми губами, вместе с густыми облаками пара, похожего на дым.

— Убирайся! Пошёл! — руки метались в стороны как крылья беркута, пока дедушка направлял в сторону медведя острие копья. Это не убьет его, но может временно задержать. Бурый мотал пастью определяя первую жертву.

Девушка была готова бросится на хищника с кинжалом, понимая, что проиграет, и Дед останется один. Она отчаянно выставила перед собой крепкие руки с поблескивающим концом на длинном отполированном деревянном древке.

— Шерстяная ты балда, уходи! Сгинь! — медведь скреб когтистыми лапами снег под собой, выкапывая куски мерзлой земли. Ризна взглянула на небосвод и слова сами вырвались из ее глотки, — Силы тьмы помогите, где бы вы не были! — Ризна отчаянно изгоняла из себя слова в угрожающей стойке,

— Силы ТЬМЫ! — повторила она и боковым зрением

увидела деда, выпустившего копьё из рук и прижавшегося лицом к земной тверди.

— Сигай, дитя! Поди рехнулась! — глухой дедов крик умолял её уходить, но она будто приморозилась к снежному насту.

Скрипучий визг обрушился на их головы, разрезая воздух и заставил пригнуться и прикрыть уши. Звук усмехнулся и сделался невыносимо громким.

Из пустоты между Ризной и медведем появился огненный шарообразный сгусток и завис, не касаясь земли. Снег вокруг топился, превращаясь в кипящие лужи.

Медведь поднялся на задние лапы, обнажил клыки и попробовал атаковать нового врага, но лишь задев шар закусил как собака, прижал лапу к носу, опустил и сбежал вглубь чащи, сотрясая землю.

Огонь крутился волчком, а внутри него перемещались всполохи оттенков киновари, охры и янтаря.

«Бурый исчез, но легче не стало», — подумала Ризна и еле оторвавшись от жаркого явления снова бросила взгляд на Деда. Тот поднялся и на расстоянии очень медленно огибал шар, крадясь к ней, держа копьё перед собой, будто оно могло помочь. Пластичность его движений никак не роднилась с его хлипким телом в овечьем тулупе.

Снег почти весь растаял в радиусе пары десятков шагов, обнажая голую землю, местами с низкими зелеными кустами клюквы и брусники.

— Что это такое?

— Не ведаю, внучка. Пушай валандается. Ты головастая потом просечешь. Сигать тебе надо, — тихо, но очень четко проговорил Дед совсем близко.

Эти слова стали его последними. Она так и не смогла вспомнить как в тот день умер ее дедушка, как ни старалась. Но что-то подсказывало ей: виной тому бесконтрольная огненная сила.

Глава 2.

Казалось мир мог треснуть от хруста ветки где-то в лесной чаще и все покрытое льдом расколется. Взмах птичьего крыла в дикой морозной тайге разносился на сотни верст.

Кроме нее, здесь обитала только живность, но и её она бы услышала загодя и не подпустила близко.

Остановится и замереть после долгой пробежки— обхода заставила чуйка. Подобравшись, Ризна сделала первую ошибку и попятилась, наступая на замерзший ручей, покрытый коварной ледяной коркой, припорошенной сухим снегом.

Второй ошибкой стала потеря равновесия. Она шлепнулась в сугроб, смягчивший падение и лежала, восстанавливая дыхание и прислушиваясь к застывшей тишине. Наставления предка «глядеть под ноги» запоздало предостерегали в её воспоминаниях. Царапающие льдинки плавилась, сте-

кая по впалым бледным щекам на ворсинки меховой оторочки воротника.

Голову обнимала снежная подушка, а сердце грела улыбка— единственное спасение от мороза. На лохматых резных ветвях кедров нависали снежные перины.

Укутаться бы в них и заснуть навсегда.

Медленно падающие снежные хлопья дарили ей крохотную надежду на белоснежный мир среди ночной тьмы, как сверкающее сокровище, запечатленное в памяти лишь однажды, в далеком детстве. Она часто задерживалась в нем, рассматривая непроглядную, но невесомую черноту неба, воздуха и тайги. Звездные россыпи гнали страх темноты, завораживая своим блеском, освещая снежный покров бриллиантовыми искрами. Ночь сменилась тем что осталось навсегда: невзрачным неизменным небосводом, забирающим все надежды. Девушка часто повисала ногами на ветвях вниз головой и небо будто бы оставалось всегда на своем месте, то ли снежный покров был таким мрачным, то ли небо чересчур одинаково серым.

Вокруг было так много снега, что казалось, ничего и ничего больше в мире не осталось. Чистый, нетронутый белый лист. Попытка отыскать на небе хоть какую-то крупницу луны или солнечных лучей стала последней фатальной ошибкой.

Шепоток хвойных иголок и непривычно медленный стук чужого сердца ворвался в голову, разрываясь там на зачатки мыслей, ход которых она резко прервала. Всего произошед-

шего дальше могло не случиться, если бы не эти три оплошности, определившие будущее. Кто знает, каким представился бы мир сейчас.

Ризна затылком ощущала чьё-то приближение и только после хрустнул снег, эхом резонируя с её страхом. Она вжалась в снег, нашарила клинок, в голенище ботинка и замерла, зажмурив глаза. «Если ты профукала хищника-притворись трупом», — учил её Дед.

Она лежала, пока звук сдавленного снега не оглушил у самого уха. Волки так не ходят и медведи и. Никто так не ходит, как бабушка?! Конечно она понимала, что это невозможно, потому что давно развеяла с высокой скалы его прах, собранный после встречи с огненным шаром, но все равно она с надеждой раскрыла глаза. Разочарование сменилось любопытством.

Как много всего произошло за секунду. Больше чем... не знаю за сколько времени, но точно много.

Она по-прежнему, как учил её бабушка отмеряла только сутки, от сна до сна, зачеркивая нарисованные цифры на бумаге, но уже давно они перестали иметь для неё хоть какое-то значение, кроме того, что она снова стала на год старше.

Представить, что возможно мир индустриалов существует и подобрался к ней слишком близко было невыносимо желанным.

— Эй! Ты живая? — большие серые глаза, с янтарной

кромкой, взволнованно моргали, нависая над ее лицом.

Она моргала, повторяя за ними.

Не может быть...

— Ты чего разлеглась? Немая? — бесцветные волосы тянулись вниз, закрывая часть лица, а выражение лица стало напряженным.

— Ты кто? — спросила она склоненного к ней. Человека! Индустриала?!

Шея намекала на её чрезмерное любопытство неприятными покалываниями. Ризна хлопнулась шапкой в мягкий снег и заметила новое, на этот раз знакомое движение за спиной сероглазого.

Не поддаваясь панике, она соображала, что предпринять.

— Ты ранена? — спросил блондин и продолжил изучать девушку, — Я помогу встать! — его яркие ягодные губы шевелились, извлекая звуки.

— Нет, — резко оборвала она, скользнула по снегу между его ног, оттолкнувшись от них руками, вскочила на ноги, и оказалась спиной к его спине. Ударила его в подколенный сгиб и уронила его в снег, а сама накрыла его собой.

— Замри! — резко скомандовала она и уткнулась лицом в его светлую куртку. Что— то острое царапнуло её лоб. Парень попытался скинуть с себя девушку, но рычание над головой заставило подчиниться приказу и лечь лицом в холодную снежную корку.

Девушка немного ерзнула, чувствуя, как дыхание нагрева-

ет спину чужака, а сердце колотится по ней. Увидев, как капля хищной слюны упала на мужской затылок, девушка снова замерла и увидела крохотную красную каплю на белоснежной гладкой ткани, потом ещё одну. Лоб неприятно саднило. Она заметила выступающий острый стык в виде тонкой черной полоски между двумя полотнами белой ткани, на одежде юноши, которым она порезала лицо. Нарастающее рычание и свежая кровь не давали шансов «притворится трупом».

Всё что случилось дальше пронеслось у неё перед глазами одним махом и от невероятности не вмещалось в границы понимания. На это требовалось время. Девушка перекадилась на один бок, сжимая в руке черный клинок, встала и резким колящим движением вытянула руку вперёд и полоснула плешивую шею. С визгом серый мотал головой, а кровь струилась, орошая снежную поляну. Волк вцепился зубами в руку парня и потащил его за собой.

Парень замотал головой, бил ногами, нанося глухие удары, но не издал ни звука. Ризна бросилась на спину волка и бесконечно вонзала в жилистую плоть окровавленное острие, держась за клочки грубой шерсти. Волк наконец выпустил мужскую руку, цапнул за ногу, но не успел сомкнуть челюсти, пытаясь теперь сбросить с себя нападавшую.

Только тогда парень рывком достал левой рукой из-за пояса поблескивающий металлом брусок со светящимся длинным концом, размером с ладонь и одним движением обезглавил лазерным лучом дикого зверя и отключился. Ризна

шмякнулась на обмякшую окровавленную тушу, слезла и рванула к парню. Осмотрев раны парня, она сняла с головы свою шаль и обмотала рваную рану на руке незнакомца, укус на ноге почти не кровоточил, а вот синяк будет точно жутким. После нескольких попыток привести его в чувство она подобрала его оружие, засунула ему в карман и поволокла дышащее тело к дому.

«Иначе он умрет от потери крови или околет», думала она, продвигаясь слишком медленно. Парень хоть и был меньше любого лесного хищника, но весил прилично, приминая под собой снежный покров, оставляя кровавые мазки. Когда она совсем выдохлась, то прислонила его к стволу высокой ели растущей на середине пути до избы.

— Я вернусь, слышишь! — прошептала она и побежала, как можно быстрее вытаскивая утопающие по колено в снегу ноги в высоких шнурованных ботинках. Свои снегоступы она порвала, пока пыталась удержаться на волчьем горбу.

Глава 3

Ризна проделала длинный путь, таща за собой массивные деревянные сани не для того чтобы потерять того, ради кого она это задумала. За неохватным стволом кедра девушка заметила опасный отсвет лазера и замерла.

А если он убьет меня, как волка, раз и нет головы? Но зачем ему это? Что плохого в моей голове? Да дурная? Но не рубить же? Ай! В топку! Зато всему конец, а я молодец.

— Дранный ты заяц! — выругалась она вслух, — Я-то думала он в отключке истекает кровушкой, а он за ёлками скачет.

— Такого обзывательства нет, поэтому пропущу мимо ушей, — ответил парень, выходя из-за дерева, прихрамывая.

— Мимо длинных? — кольнула девушка и скрестив ноги медленно измерила его взглядом с ног до головы и вернулась к лицу.

Голову пришлось задирать слишком высоко. В светлой одежде юноша сливался с пространством, из-за чего и не заметила его приближение в тот роковой час. Девушка отметила, что ему около двадцати, потому что схож по фото на её молодого дедушку. «Два десятка», — говорил он, тыча на фотографию в рамочке. «Потом сильно гаже, но веселее». «Отчего же?» — спрашивала она, надеясь услышать про то и другое, но он только хмыкал и говорил: «Подрастешь-увидишь».

— Не думал, что вернешься», — сказал парень, дотрагиваясь до больной ноги.

Сказала же, что вернусь. Как иначе. Обещала — выполняй.

Перед глазами так и стоял дед, в черном длинном тулупе. Девушка подняла с глаз свою огромную меховую шапку и скомандовала:

— Седай, — указывая пальцем на сани.

— Еще чего! — фыркнул он. Ризне бы тоже не хотелось

показывать кому — то свою немощность, как и парню сейчас. Вместо этого он рассматривал её, останавливаясь несколько раз взглядом чуть дольше на неё спутанных рыжих волосах, на глазах, смотря в них так пристально, что если бы они были бы озером, то он точно утонул бы на его дне.

Ризна почему-то тоже осмотрела себя, и увидела себя словно впервые, представляя чужими глазами, поправляя подол простой черной юбки чуть ниже колен, под которой показывались грубые мужские штаны того же цвета, заправленные в походные ботинки на шнуровке. Верхнюю часть тела покрывал бесформенный угольного цвета тулуп, с меховой рыжей оторочкой как на ботинках. Талию обозначал широкий мужской ремень с блестящей пряжкой, но сделано это было скорее для удобства. Красота заботила эту девицу в последнюю очередь, если вообще заботила, наверное, так он мог подумать о ней.

Он потер рукой горло, оттягивая белесую кожу у кадыка, потом потер лоб и поправил края тонкой куртки. Она зачем — то тоже задела лоб и сжала губы от боли. Наверное, на лбу жуткая рана, а она так торопилась что не удосужилась осмотреть свои повреждения. Как по щелчку боль проснулась: в бедрах, которые она с силой сжимала, чтобы удержаться на хищнике верхом, в суставах рук и в правом боку.

Рано зализывать раны, надо добраться до избы.

— До дома еще далеко. Не ломайся, зайчик, — девушка подмигнула ему, стараясь забыть ноющую боль. — Ну пока,

— она развернулась и уверенно потащила за собой сани, без него. Хруст снега за спиной заставил её оглянуться. Юноша сделал ещё несколько шагов от дерева и чуть не рухнул вниз.

Неужели от кровопотери? Слабенький беляк.

— Подожди! Эй! Я согласен.

Девушка же продолжила бодро удаляться, поскольку теперь на ее ногах были приделаны снегоступы, позволяющие ей легко идти по поверхности снежного покрова.

— Не бросай меня! — крикнул он вдогонку, но та продолжала идти не оборачиваясь, пока лазерная очередь по кустам рядом с ней не затормозила её прыть.

— Дурака кусок! — девица не испугалась, только крикнула звонким голосом, остановилась и сама села на сани, скрестив руки на груди. — Догоняй! Возвращаться не собираюсь.

Сев полу-боком она видела, как парень скривил лицо от боли и сжал пальцами левой руки кожу между большим и указательным пальцами правой руки и из бруска появился знакомый тонкий луч, отсекая им от лиственного дерева толстую голую ветвь. Брусок он положил в карман, а с другой ветки снял сухой бордовый осиновый лист, расстегнул куртку и осторожно сунул его за пазуху.

Ризна следила за неуклюжими и непонятными действиями незнакомца и насвистывала громче обычного щебетание вьюрка.

Облокачиваясь на импровизированную трость, он доко-

вылял до девушки. Спасибо его ботинкам, которые не проваливались в снег.

— Зачем тебе?

— Не видел такого раньше.

— Лист или дерево?

— И то и другое.

— Ты индустриал?

— Да. А ты дикарка, — холодно сказал он.

— Дикарка? — девушка уперла руки в бока.

— Ну да. Так мы называем тех, кто живет в лесу.

— Понятно. Звучит, не очень приятно, — девушка уступила блондину место.

Хвойные деревья здесь росли вполне комфортно, а вот лиственные и низкие растения почти исчезли без солнца. Сколько еще они протянут, и она вместе с ними? Вымирающий вид тянулся к солнцу из последних сил, но не находил и искривлялся стволом в умоляющем уклоне.

Ей нравилось наблюдать за животными леса, но растения вызывали в ней тоску. Теряя движение перед глазами её мысли бежали без остановки, загоня её в безответный тупик. Если от белки возможно ожидать ответного кивка или от птицы щебета, то от лысой жимолости увы. Ризна с рывком потянула за веревку, чувствуя, как связки рук запротестовали и сани заскользили позади неё.

— Любишь загорать? — весело спросил парень в спину невысокой, но сильной дикарки, намекая на то как она с удо-

вольствием растянулась на снегу, когда он впервые её увидел.

— Учитывая отсутствие солнца— очень.

— Можно сгореть! — Девушке словно вонзили кол под ребра. Она остановилась и согнулась пополам, пытаясь вздохнуть, но только открывала рот, не впуская в себя воздух. Сани догнали её и боднули под колени.

— С-с-с, — она издавала тихий свист легкими, опустошая их до предела. Перед глазами все размылось. Тяжелый вес навалится на её спину, как мешок с мукой.

Вот бы правда такой подарок. Мука! Много муки.

Она представила пышную краюху хлеба и смогла вдохнуть носом и дотронулась до сложенных в захвате мужских рук на ее животе. Мешок-юноша навалился на неё сильнее и оба они упали лицом в снег. На снегу остался яркий мазок. Запахи крови и смолистой хвои смешивались в носу и будоражили воспоминания прошлых часов.

— Надо быстрее сменить повязку, — сказала девушка, отряхиваясь от снега вслед за парнем. Ранение было не смертельное, но определенно доставит незнакомцу неудобства. Кровотечение на руке останавливал тугой жгут из шерстяной повязки-любимой бабушкиной шали. Пожалуй, единственной по-настоящему нарядной вещи в её гардеробе. Ей было жаль терять памятный подарок, но ещё больше жаль потерять человеческую жизнь и если ценой тому умело сплетенная из нитей полотно, то так тому и быть.

Бедолага, ещё и рука правая.

— Что это было? — спросил он поднимаясь.

— Ничего.

— Часто с тобой такое?

— А что? — Ризна поправила повязку не его руке и затянула узел потуже.

В этот момент юноша хотел что-то сказать, глядя на повязку, а может ответить, но промолчал, глядя в черноту её глаз.

У тебя нос с горбинкой, как у дедушки. Надо же, что ты такой делаешь среди индустриалов.

Хотя остальная внешность, вполне соответствует, если верить дедушкиными описаниям, вытащенным из него в особенно скучные моменты ощипывания птичьих туш. «Увидишь высокое бревно с тигриными глазами, так и знай — индустриал. Все как один и не различишь. Ежели чего хмельного не выпьешь, то еще можно, а ежели да, то дело дрянь» — говорил Дед.

— А ты сам-то не попутал место для прогулок в своих лаптях? — спросила она, глядя на его обувь на подошве — пластине.

— Они выдерживают до минус тридцати!

— Фу-ты, ну-ты! Ты правда дурак или прикидываешься? Здесь бывает и за шестьдесят! Садись!

— Да ладно! — искренне восхитился парень и сделал как ему приказали.

— Точно дурачок. Откуда упал? С самолета сбросили как ненужный груз? — девушка тащила сани и оборачивалась к нему, когда тот отвечал.

— Почти угадала, — хитро ответил парень.

— Эй! Говори, а то пешком пойдешь.

— Я исследую северные земли. С отрядом. С экспедиционным отрядом, — поправил он себя.

— И где они?

— Кто?

— Остальные.

— А! Улетели, — непринужденно проговорил он.

— Бросили тебя здесь? — шурясь спросила она.

— Ага.

— За плохое поведение, — добавила Ризна похихикивая.

— Видимо— это что-то из ряда вон, раз тебя так далеко забросили.

— Угу, — хмыкнул он, и покраснел. А ты чего тут делала?

— Ягоды собирала, — показывая рукой вокруг себя, словно это цветочная поляна, — Завтра новые вырастут, приду ещё соберу.

— Их купить можно. Хотя так давно уже никто не делает.

— То есть тебя не смущает, что я ищу их в метровом сугробе? «И что они уже никогда не вырастут», — дополнила она про себя.

Никакой ты не экспедитор. Дуришь меня.

Он, не понимая, покачал головой:

— Есть же милл— боллы, в них всё необходимое: витамины и питательные вещества.

— Какие ещё милл— что— то?

— Да ладно! Не может быть! Ты правда дикарка?! — он быстро захлопал ресницами от восторга.

— Да пошёл ты- Принц— индустриал— исследователь, — девушка специально дернула веревку саней и парня резко качнуло. Никто и никогда вслух не называл её так, девушка почему-то почувствовала обиду, хотя и понимала, что она дикарка, одиночка, отшельник, как не назови, живущая в глуши, ещё и хромая. Почему она навала его принцем, она тоже для себя никак не объяснила. Ляпнула, как обычно. Хотя в сказках, которые она читала принцы были именно такими: красивыми и высокими незнакомцами в белом или черном, разница лишь в том, добрый это принц или злой.

Ризна сняла с плеча рюкзак из потрепанной холщовой ткани и бросила его в сани. Следы на снегу вернут её обратно домой, а дальше будет видно.

Интересно как он здесь очутился? Шум приближающегося транспорта здесь был бы слышен на тысячи шагов от дома, именно поэтому она до сих пор никого не встречала. Ни единой души. Сегодняшний эпизод был сродни чуду, хоть и довольно кровавому. Кто— то высадил парня далеко от деревни. Но кто и зачем?

Восемью годами ранее.

— Разобьешь и никаких делов, — пробурчал Дед на Ризну, махающую деревянным ножом у небольшого зеркала на ребристой стене.

— Я хочу научиться управляться с настоящим! Когда ты разрешишь?

— Завтре, — со вздохом ответил старец, — и вложил ей в руку острый клинок.

— Аугога, — прочитала она надпись на рукояти клинка, — что это за слово и почему оно так странно написано?

— Это слово значит зарей.

— А почему заря на оружии?

— Заря надежду родит, вот почему. — она не поняла ни слова, но охваченная радостью не стала задавать новых вопросов, а крутила стальной клинок в руках и не верила своему счастью. Наконец— то по— настоящему острое оружие в её руках.

— Ты должна быть готова.

— К чему? Дед! К чему готова? — спросила наконец с любопытством девочка, не отрывая взгляда от своего отражения на лезвии. Огненные яркие волосы закручивались в тугие спиральки до колен. Обычно она заплетала их в косу и скручивая прятала под шаль, чтобы не мешались, но сегодня, в день своих именин, кружилась, отмечая как идет ей эта боевая стойка с клинком и каким отважным воином ста-

нет.

В тот день ответ дедушки её удивил, ведь раньше на просьбы о тренировках, он отвечал: «Дурья твоя башка— сиди на печи, да грызи калачи». Она остро чувствовала: её место не здесь, не в этой заброшенной сторожке. Быть может, то был зов души, а может— отчаяние от тягот привычного быта, хотя иной жизни она и не ведала. Лишь пожелтевшая фотография, найденная ещё в раннем детстве, оставалась для неё тихим обещанием иного мира— лёгкого, светлого и безопасного.

Изображенный на плотной бумаге белый дворец, окруженный высокими стенами с острыми шпилями. Сотни воинов выстроились в ряды за стенами и замерли в ожидании появления чуда, не меньше, судя по их ровным спинам с белой широкой полосой посередине черной формы. В центре круглого дворца, под тонкой тканью спрятана, возможно статуя, судя по очертаниям, которую вот-вот представят людям. Ризна представляла, что стоит среди солдат, в прекрасном мире, где есть всё что пожелаешь.

Эту картинку она нашла приклеенную с обратной стороны лунного календаря, давно бесполезного, ведь луну она видела лишь однажды, а солнце никогда.

На самом деле вся информация об Аннаме скорее всего поместилась бы на паре книжных листов, но вера не нуждается в подтверждениях, и она свято ждала каждое случайно оброненное слово дедушки и тут же вносила его в свою па-

мать.

Теперь перед ней стоял человек из того мира, и он может ей рассказать, если она попросит, а она обязательно сделает это, а если он откажет, то она знает, как заставить его подчиняться под страхом смерти.

Глава 6.

Один убогий дом, выпускающий из трубы на крыше куцый дым, скрывался среди остального леса. Никаких открытых полей перед домом, лишь небольшой двор, окружённый частоколом из острых ветвей, маленькая пристройка— баня, и прислоненная телега с трухлявыми досками, в высоком сугробе, вот и вся деревня.

Воротами служила пустота, разрывающая забор из веток. Второй сугроб с другой стороны подпирал строение, чтобы оно окончательно не развалилось, а может быть защищало от холода, чтобы в дом не поддувало с северной стороны. Между сугробами узенькая дорожка, расширяющаяся к крыльцу. Если снег еще будет падать, то снежные горбы между домом поднимутся выше крыши, зато дорожка освободится от снега и станет проходимой.

— Идеальные соседи? — спросил юноша, осматриваясь.

— В смысле? — обернулась она у дверей в избу.

— Не видите и не слышите друг друга. Спрятались дальше за холмом?

— Безупречные! Некого упрекать, — ответила она и снова осмотрела парня перед тем как пустить его в свой дом. Со-

вершенство человеческого тела. Венец. Ладный-складный, симметричный. Высокий рост, волнующий тембр голоса. Физически совершенный экземпляр. Платиновые глаза-как символ драгоценного металла.

— Может правда принц? Должно же мне наконец повезти. Только вот я не принцесса.

Всё в нём было идеальным, но оттого ужасно отталкивающим. Мистер совершенство даже моргал слишком медленно. А может она делала все слишком быстро.

— Заходи, коли с добром, а нет, знай, что помимо клинка у меня не менее острые зубы, — для достоверности она клацнула ими. Парень посмотрел на поручень на ступенях в избу, погладил резные выступы на нем и только потом посмотрел на Ризну, прямо ей в глаза.

— Понял, — парень впервые улыбнулся, едва— едва, но Ризна заметила.

С трудом отворив дверь, она шустро юркнула внутрь и плотно притворила её за собой, не давая теплу ускользнуть наружу.

— Ат же сажа! — стук, а после парень тихо выругался, зайдя в сени, где его ждала Ризна в жилой части дома. Дверной проем после сеней оказался еще ниже, и он зашел в дом вынужденно кланяясь хозяйке.

От двери до стола тянулась узкая хлопковая блеклая половица. Хвойный венок по центру стола лежал на простой льняной скатерти. Один стул придвинутый к окну пустовал,

а второй напротив заставлен закрытыми бочонками.

— Уже ругаешься? — спросила игриво девушка, снимая с себя тулуп.

— Задел головой потолок. С непривычки.

— Извиняйте за неудобства.

— Сам виноват. У тебя очень чисто! Это украшения такие? — спросил он про натянутые нити с сушеными грибами и ягодами на потолке.

— Они так лучше сохнут.

— Красиво!

— Дом должен быть уютным и чистым, на то он и дом, а не хлев. А у тебя дома грязно? — спросила Ризна.

— Нет, наоборот, просто с виду изба у тебя старая, думал и внутри упадок.

— Как могу поддерживаю.

Девушка тем временем убрала баночки со стула на подоконник и убрала скатерть со стола.

— Сыми обувь у порога и кинь в сени, -спохватилась девушка, выглядывая из-за печки.

Парень выставил ботинки за дверь, но успел оставить под ногами лужу от растаявшего снега.

— Я тут намочил, у тебя есть чем вытереть?

— Потом. Раздевайся, займемся делом.

— Так сразу? — удивился парень, расстегнул куртку и накинул её на крючок с девичьим тулупом.

— Полегче, зайка, — засмеялась она, заметив, как парень

принялся расстегивать ремень на штанах, — Я про рану, — девушка держала в руках таз с водой, который поставила на стол, — Сперва промоем.

Гость чуть не шлепнул себя по лицу, но тогда оно стало бы еще краснее. Девушка притворилась, что не заметила и накрыла край стола полотенцем. Парень продолжая лавировать между ягодных гирлянд добрался до стола и сел на свободный стул, отвернув лицо к окну, но ненадолго, возможно прикосновения теплых маленьких пальчиков к коже его руки были более интересны, чем бескрайний лес за окном.

Девушка завела свою копну волос за стройный стан. Печь разошлась, после новой порции дров и в избе становилось жарко. Пружинящие рыжие спиральки вздрагивали по спине, пока она, склонившись над бледной рукой промывала рану и накладывала повязку.

— Закатай штанину, — бросила она.

— Могу снять.

— И заодно губу.

— Угу, — он с задором подчинился ей, будто играл в какую-то интересную игру.

— Поставь ногу на стул, я осмотрю, — глядя на темные синяки от волчьих зубов на голени парня, она вздрогнула, удивляясь как сама вышла из схватки потеряв всего лишь пару снегоступов, а не свою конечность. Она почувствовала себя зажатой между столом и длинной ногой парня, стоящей на краю её стула.

— Как тебя зовут? — спросил он, никак не намекая на свое превосходство позиции и она выдохнула.

— Сперва ты.

Покажи животному кто здесь командует! Парень не животное, но дед всегда дело говорил.

— Как угодно, — парень ухмыльнулся, — Агнеш, — он вопросительно посмотрел.

— Ризна.

— Ты живешь здесь одна, Ризна?

Девушка заметила, как гость наклонился к ней и затаил дыхание. Раздумывая безопасно ли говорить правду, она решила признаться, надеясь на свой клинок.

— Да, Агнеш, — девушка с волнением произнесла новое имя.

— Ты очень смелая, — восхищенно отметил тот.

— Чем ты занимаешься в Аннаме? — спросила девушка, поднимаясь со стула. Агнеш убрал ногу и вернул штанину на прежнее место.

Задавай любые вопросы безразлично.

— Я отлавливаю редких птиц и потом изучаю их в лаборатории, — не моргая ответил парень.

Ризна почувствовала ложь и отвела взгляд и зацепилась за куртку парня, висящую на стене, тонкая, как нить полоска, такая же как на картинке у солдат на форме, но черного, а не белого цвета, значит он как-то связан с военными. Может быть он тоже солдат, но каких-то особенных войск, но рас-

спрашивать слишком рано. Ближе чем когда-либо она подобралась к заветным знаниям, но как досадно их не получить сразу.

Клинок у горла делает людей болтливыми. Проверять слова деда её не радовало.

Пока закипала вода она долго и усердно стирала запачканную кровью шаль, а потом развесила её на бечевке под потолком, встав на пенёчек.

— Мне жаль, что испортил твою вещь.

— Пару раз, и она точно отстирается.

— Красивые вещи созданы не для этого.

— По-твоему твоя рука не так красива, как сплетение овечьей шерсти? — раздраженно спросила Ризна.

— Во мне нет ни грамма красоты.

— Как и во мне, — ответила она, а парень промолчал, тогда Ризна поставила на стол перед Агнешем кружку травяного отвара, а со своей встала у другого окна, опираясь боком на бревенчатую стену.

Какой он видит её сейчас? Она закрыла глаза и начала представлять. Невысокая девушка стояла перед ним в прежней черной свободной юбке и рубаше с круглым воротником, с простыми завязками, с деревянными бусинками на кончиках. В ткани плотного воротника дырочки разной формы, обшитые нитками складывались в лепестки и цветочные листья. Рукава рубашки присборенные на запястьях расширялись к краям. Пожалуй, это единственное на ней, что похо-

дило на женскую одежду. Промежуток между верхней и нижней частями тела казался слишком узким и выделялся широким белым матерчатым поясом, с такими же дырочками, что и на воротнике, сквозь который проглядывала черная ткань. Пояс сужался до тонкой тесьмы и завязывался на талии дважды обхватив талию. Свободные края тесьмы спускались почти до края юбки. Штаны на ногах девушки были ей велики, поэтому обмотаны вокруг ног кожаным шнуром по всей длине. Черный цвет подчеркивал молочный цвет её кожи. Агнеш, наверное, не мог назвать её красивой, потому что девушки Аннаме, считающиеся красивыми выглядели иначе, неизвестно как, но точно иначе! Она знала это также отчетливо, как и то что она дикарка. Несмотря на потрепанную ткань и спутанные волосы девушка стояла с гордо поднятым острым подбородком и притягивала к себе взгляд. Пар от её кружки создавал впечатление, что он исходит от волос, которые она перекинула на одно плечо и пригладила рукой под ребрами.

Ризна открыла глаза, проморгалась и осталась недовольна тем как она себя увидела. Себе она заварила травы со зверобоем, чтобы взбодриться, а чужаку наоборот добавила сонный сбор.

— Это что? — парень недоверчиво заглянул в остывающую емкость.

— У вас там не пьют горячие отвары?

— Нет. Мы пьем обогащенную воду.

— Заваренные кипятком листья малины, крапивы, мяты и ягоды малины и можжевельника вкуснее воды, — ответила она с напускным раздражением, опустив пару названий — Пей, ты замерз и потерял прилично крови.

У нас тут воды завались, знай в ведре топи. Значит их какая-то другая. Вот бы попробовать.

— Постелю тебе у печки на полу, на верх ты не сможешь забраться, — девушка спустила с шорохом матрас и подушку набитые соломой. — На сегодня всё, я устала.

— Спасибо за кров.

— Только за это? — Ризна намекала на спасение его жизни.

— Как ты понимаешь я бы и сам справился, если бы ты не налетела на меня, но уж как вышло.

— Значит я ещё и виновата, что спасла тебя? — Ризна закипала от неблагодарности парня.

— Я мог бы сразу разрубить волка пополам.

— Даже с откушенной головой? Я бы посмотрела на это зрелище. Но! Напоминаю, он шел по твоему следу! Зашел со спины. Ты привел его за собой.

— Пока я у тебя дома, я буду подчиняться, — спокойно ответил он.

— Тогда отбой, — Ризна шумно задернула на всех окнах занавеси из мешковины и запрыгнула на теплую печь. Глаза слипались, но она всадила себе под ноготь острый край соломинки и в полумраке достала из-под подушки любимую

сказку про солнце и луну, по которой в детстве училась читать, но воспоминания о случайной встрече с парнем и схватке с волком мелькали перед глазами вместо слов. Девушка дождалась пока парень прекратит ворочаться, скрипя досками под матрасом и крепко заснет и с клинком за поясом спустилась и обшарила куртку случайного гостя, но кроме пустоты не обнаружила ничего. Это казалось еще более странным. Кто ходит по тайге без минимально необходимого: огнива, припасов и веревки. Либо он здесь случайно, либо ему что-то от неё нужно. Первый вариант несомненно лучше второго.

Что у меня отнимать: старую избу, клинок и жалкие остатки еды? Но если он не убил меня, а шансов было предостаточно, то можно расслабиться?

Любопытство притягивало Ризну к лежащему на полу парню, его размеренное дыхание говорило о крепком сне. Он спал на боку, подложив ладонь под подушку, вторая рука покоилась на краю матраса. Тонкие гладкие губы стали в тепле еще ярче. Свою силу Агнеш прятал под невесомой светлой тканью одежды. Оголенные теперь до плеча руки были обманчиво изящными, но очень тяжелыми от мышц, которые она оценила, пока бинтовала на весу предплечье и кисть. Весь дом в его присутствии словно сжался от его размеров.

Ризна, отступила и сидя у кухонного окна за печкой, заламывала рваные дыры на рукаве его куртки и поставила изнутри заплатку из старой ситцевой белой бабушкиной юбки в мел-

кий красный горошек. Другой светлой ткани у неё не имелось. Поскольку парень спал в штанах, то зашить их не смогла.

Задержав взгляд на его прямом подбородке, она вновь вернулась к нему, придвинулась на коленях ближе к парню и поправила прядь волос, упавшую ему на переносицу. Тигриные глаза ошпарили её бодрым взглядом, а рука обездвижила сильной хваткой запястья.

— Бессонница? — спокойно спросил он, будто и не спал вовсе.

— Волк чудится по углам.

— Все карманы проверила?

Ризна резко выдернула руку и запрыгнула на печку, поправляя клинок за спиной. Хорошо притворяется и трава его не берет.

Девушка нарочно громко зевнула и потянулась, хрустнув суставом большого пальца на ноге и повернулась на бок. Боль заставила её снять штаны. Два симметричных чернеющих пятна на внутренней стороне бедер-наглядное доказательство, что и она вышла из боя не без повреждений.

Волков бояться в лес не ходить, что правда, то правда Деда. Раз уж я сама притащила его домой, то придется как-то приспособливаться.

Девушка протянула над собой несколько ниток с шуршащими гроздьями рябины и несмотря ни на что заснула.

Глава 7

Утро наступает, когда раздвигаешь шторы, удобно правда?

— Ай! — застонал паренек с пола.

— Чего крючишься? — спросила хозяйка, скрывая за грубостью свою тревогу за него. Парень приподнял свою забинтованную руку.

— Болит?

— Будильник, — пояснил он, но Ризна не поняла, о чем речь.

— Ась? — требуя пояснения девушка подошла от окна к юноше поближе.

— Вибрация в руке, — Ризна непонимающе моргала.

— Время пробуждения и отхода ко сну подается чипом в руке, и рана заболела.

— Так бы и говорил— буркнула она, стесняясь своего незнания и пошла в стряпную часть.

Чувство времени— золотая монета. *Хм, по— мне так горячая еда. А уж* когда вставать и ложиться можно разобраться.

Ризна израсходовала всю воду, пока умывалась и с ведром шустро направилась к выходу.

— Ты далеко? — парень встал с матраса, не зная куда деть руки, поэтому неловко приглаживал торчащие волосы.

— За водой.

— Давай я?

Она уничижительно хохотнула.

— Я быстро — не успеешь соскучиться, — кинула она напоследок.

Скрип двери означал, что парень вышел за ней. Он загреб в левую ладонь снег и поднес к лицу, неуклюже умываясь.

— Холодрыга-а-а...бррр.

Неженка.

Он вытер лицо рукавом смущено посмотрел на Ризну с неммым вопросом.

— За домом, — рукой указав направление отхожего места девушка продолжила наполнять ведро снегом. Парень кивнул и тяжело хромая скрылся и Ризна поняла, что пусть на малую кроху, но сейчас они похожи, пусть и своими недостатками, его временным и её постоянным. Она вернулась и зацепив ухватом тяжелый горшочек с будущей кашей поставила в печь.

— Отвар, — огорченно произнес Агнеш, снова получив в руки горячий напиток. Девушка в ответ только метнула в него взглядом. Урчание в животе парня настойчиво намекало на завтрак.

— Мой желудок разговорчивее тебя, — сказал он обиженно и посмотрел на сушеные запасы на потолке.

— Каша подходит, — девушка хмыкнула, посмотрела через окно на статичное небо и положила ладони на стол пе-

ред собой и вздохнула, — Как вы справляетесь... С этим? Парень качнул головой, разделяя девичью грусть и накрыл ладонью руку девушки. Ризна дернулась от неожиданности, но посмотрела на Агнеша и поборола первое желание выдернуть руку и снова посмотрела в окно. Его тепло по невидимым каналам перешло в её руку и нагревало, пока не обожгло лицо. Одно биение сердца и стало холоднее чем даже в самую лютую вьюгу, когда, пошевелив пальцами мужская ладонь-бабочка упорхнула обратно на ручку кружки. Утраченная близость жгла кожу резким, хлестким контрастом.

— У нас всё не так: пища в достатке, крепкие дома. И безопасность. Я раньше как-то не думал об этом. Мы живем по единым правилам и законам Аннаме. Наша страна достигла невероятных достижений: всё необходимое мы производим сами, искусственная селекция- такой уровень позволяет иметь полную независимость от природы. — Агнеш говорил, вдохновенно жестикулируя левой рукой.

— Значит ты счастлив! — заключила Ризна.

— Счастлив? — удивленно переспросил он, потом незаметно дернул головой, — Конечно! Для чего же иначе все эти достижения? Я не знал, что так как ты можно жить. Это всё. Ужасно. — солдат прошелся глазами по избе.

— Я не жалею, — недовольно ответила она, хотя полностью была согласна с его словами. Всё вокруг нее ужасало и пугало своей медленно умирающей природой, а она вместе с ней. Она не должна вечно бороться просто потому, что

родилась здесь и зачем, если где-то есть другой, счастливый мир. Мир Аннаме.

Чем раньше парень восстановится, тем быстрее мы сможем отправиться в Путь.

Ризна решила, что чужак ей в этом поможет, а если нет, то она что-нибудь придумает. Но она ничего не могла поделать с тем, что он её раздражал, своей хм... Слабостью? Молчанием? Дистанцией? Или тем, как она на него странно реагирует, чувствуя то жар, то холод рядом с ним.

Девушка вспомнила, о травяной мази в погребке, которую нужно было немного довести до ума, добавив свежей смолы.

— Кушайте на здоровье! — бросила Агнешу и поставила между ними большую плошку.

Каша дымилась, манко призывая к трапезе, однако Агнеш не накинулся на неё, как Ризна, а медленно с краюшку перемешивал деревянной ложкой.

— Если бы я знала, что ты не голоден, я бы не стала тратить на тебя гречку, — проворчала она с набитым ртом.

— Выглядит. Максимально отвратительно. -Агнеш скривился.

Ризна едва сдержалась от бранных слов и вместо этого стукнула парня ложкой по лбу, он потер лоб рукой, но промолчал.

— Это Еда! — еще немного и она бы склонилась в поклоне до пола, если бы уже не делала это, но только за столом.

Агнеш поднес наполненную ложку к носу, тихонько вдох-

нул и проглотил содержимое.

— Ом! — невнятно чавкнул он, прожевывая и наполнил вторую ложку уже с горкой, — Вкусно! — поедая он сыпал новых комплиментов, — Ничего не ел подобного! А ещё будет?

— Завтра. Если повезет.

— Только завтра? — глаза парня округлились, — у нас питание шестьюразовое.

— Мой дом— мои правила. Столько еды у меня нет. До-едай и помой.

— Снова уходишь?

— Да, нужно набрать кое-что и поохотиться.

— А я буду миски мыть?

— Варианты?

— Ты видела мой Улис?

— Звучит очень прельстительно, но не знаю, о чем ты, — хихикнула она.

— А отсеченную голову волка? Я сгожусь на охоте.

— Не с такими ранами. Не хочется опять тащить тебя, но ты можешь одолжить этот твой Улис. — на самом деле Ризну распирало от желания испытать его оружие, понять, как оно работает.

— Не могу.

— Боишься, что заодно убью тебя? — резко ляпнула она.

Солдат нахмурился. Ноздри расширялись от мощного вдоха и выдоха:

— Без чипа оно не работает. Если только отрежешь мою руку, но думаю для тебя это слишком, тем более что ты лежишь меня.

— Никогда не видела ничего подобного, — Ризна не оставила без внимания выводы Агнеша, рассуждающего логично, лечит — значит не убьет. В одной книжке она читала как друг предал своего повелителя и убил его. Какая тут логика?

— А ты много видела? — наивно спросил Агнеш.

— Кой — что видела, — с недовольством ответила она, восприняв вопрос парня за сарказм, хотя его тон был более чем беззащитен, но первая реакция всегда бежала впереди неё.

— Сочетание меча и пистолета в одном платиновом корпусе. Улис выпускает лазерный луч, разрезающий все существующие материалы или пули, пронизывающие насквозь. Управлять режимами можно с помощью встроенного чипа в коже между большим и указательным пальцами правой руки.

— Пилит что угодно? Даже дом распилит?

— Почти все материалы, но не более полутора метров толщиной.

— Что бывает такой толщины? Гора? Пробовал разрезать что-то подобное?

— Нет конечно, зачем?

— Любопытство. Не?

— Без цели это не разумно.

— Повеселиться?

— Это не цель.

— А что не пилит?

— Полимеры из которых делают наши дома.

— Понятно почему. Ладушки. — Ризна поняла, что парень не очень — то любит баловать и вообще скучный. — Чип есть у всех вас?

— Почти.

— Наверное нет у детей? — предположила Ризна, и парень снисходительно улыбнулся.

Зачем я всегда тороплюсь.

— Ага.

— Тогда лежи на печке, пока не сможешь ходить нормально и пользоваться правой рукой.

Отрезать конечности-это крайность, но в целом идея вполне рабочая.

— Не грусти-ушастый! Я принесу тебе из леса гостинцы!
— девушка повернулась на пятках и ушла маршируя. Удаляясь в лес, она несколько раз оборачивалась, проверяя не следует ли за ней паренек.

Глава 8

Ризна набрала в маленький берестяной туесок смолы, и откопала листья брусники, отправила их туда же и поспешила проверять заячьи ловушки недалеко от дома. Привыкшей к одиночеству ей вдруг захотелось, чтобы кто-нибудь был

сейчас рядом.

Хоть бы и этот. Агнеш. Лежит там, наверное, отдыхает, плюет в потолок. Интересно, чем он на самом деле занят. Нет не интересно! С какой стати?

Ризна обошла все силки, но увы все оказались пусты. Девушка расстроилась, потому что хотела накормить гостя, и вообще как-то показать ему, что не так уж она тут и страдает. Волне себе жить можно. Вместо свежатины, девушка вернулась, с можжевеловыми веточками, смолой и листьями брусники, в крайне расстроенных чувствах, хотя и пыталась их скрывать. На пригорке близко к дому, раскапывая свой клад, она наполнила ладошку ягодами клюквы. Ягоды стучали друг о друга, пока не начали покрываться инеем, размораживаясь от тепла ладони.

Угощу хотя бы этим.

— Ку-ку-сики! — она распахнула дверь, парадно заходя и грохоча ногами и тут же бодрость съехала с лица. У стола по локоть в крови стоял Агнеш и испуганно смотрел на неё. Кровь стекала в алую огромную лужу на полу.

— Темный ты мрак! Что наделал? — Ризна подскочила к парню. Её сердце колотилось и вырывалось из груди сильнее чем когда-либо! Слезы брызнули из глаз, падая в кровь на столе. Ее руки тряслись, и она не могла их контролировать, чтобы начать действовать.

— Ризна, я всё уберу. Ты не переживай так, — для раненного человека он говорил слишком спокойно.

Девушка ошалело глянула на парня потом на руки с зажатой в них кровавой тряпкой.

— Я поймал нам ужин, — Агнеш улыбнулся и повернул голову, и девушка проследила за ним. В стряпной, под толком висела крупная освежеванная заячья тушка. — Извини за грязь, надо было делать это на улице.

Ризна громко расхохоталась и стукнула парню по правому плечу кулаком, дескать, молоток он, а она и правда переживала за беспорядок. Юная охотница спешно ретировалась на улицу и только там, спустя несколько минут смогла вздохнуть, преодолевая новый приступ.

Страх скручивал её и сжимал. Одна. Одна. Одна. Отдавалось в голове. Одна. Пепел. Слезы. И бесконечный день. «Завтра будет лучше», фраза из прочитанной книжки вонзала нож ей в грудь. Завтра не наступит никогда. Значит лучше не будет НИКОГДА!

Руками она сжимала горло и рухнула на колени, привалилась боком на колесо старой телеги. На фоне деревянного круга девушка выглядела еще крохотнее, чем была. Вся её напускная бравада капитулировала.

Она открывала беззвучно рот, как рыба на суше и впивалась ногтями в старую ось. Боль не приходила и все предметы перед глазами смазались и стали без очертаний и цветов, как небо над головой. Серость забралась глубоко ей в горло и душила, пока все не исчезло.

— Дыши! Ризна! Дыши! — услышала она слова где—

то далеко. Они становились громче, пока не превратились в крик.

Она открыла свои глаза и на снег покатались драгоценные рубины клюквенных ягод, выпавшие из разжатой ладони Ризны. Ягодный сок окрапил тонкие девичьи пальцы и снег под ладонью. Губы девушки посинели вместе с остальной бледной кожей. Жизнь покидала её слишком быстро.

— Я должен тебя убить, а спасти! Нет! — молил Агнеш, — Не уходи! Я не успел сказать тебе спасибо! Ризна! Я должен ничего не чувствовать, но я не могу! Я не за тем тебя пощадил, нарушив приказ, чтобы ты через день умерла, — он затряс девушку, — Я с тобой! И я буду с тобой! — Агнеш прислонил свои горячие губы к её ледяной шее и зашептал на ухо, как военную клятву, — Ты больше не будешь одна! Только очнись! Я что — ни будь придумаю.

Слеза упала девушке на губы, и она снова открыла глаза, прошипев:

— Обещаешь? — её сердце застучало, разгоняя кровь по телу.

— Пока ты не попросишь обратного, — ответил бледный Агнеш, надеясь не увидеть в ее глазах страх или разочарование. Черные бездонные очи засасывали в свою пропасть, не придавая никакого значения его словам. Она услышала только то, что было необходимо ей сильнее воздуха: «Ты больше не будешь одна».

Перепачканную заячьей кровью Агнеш затащил её в дом

и положил на свой матрас у теплой печи и присел рядом с ней, поглаживая её кудряшки вдоль нежной кожи лица.

— Как ты понял? — тихо спросила Ризна.

— Не знаю, — он пожал плечами, — Почувствовал? —, произнес он почему-то вопросительно, словно угадывал или пробовал на вкус это слово, — Я бы тоже боялся этого больше всего, здесь.

— Спасибо, — девушка потерлась щекой о ладонь Агнеша.

— Это тебе спасибо! За то, что спасла, за то, что тащила меня, за кров и за еду. — Это слишком много», — произнес он, всё тише и закончил почти бесшумно, — Для такого как я.

— Значит зайчатина всему виной? — выдала Ризна, пытаясь встать. Агнеш только пожал плечами.

— Только посмотри кругом. Надо убрать. Просто мрак. Эй— ягоды собери! — девушка снова стала собой, и парень ухмыльнулся.

— Давай... — сказал парень, пытаясь предложить помощь.

— Я пока займусь уборкой. Наделал там делов.

Девушка несколько раз выбегала без верхней одежды на улицу, будто ещё недавно не лежала при смерти, вываливала за забором красный снег и зачерпывала в ведра чистый и вбегала обратно, насвистывая себе под нос, пока Агнеш собирал ягоды на снегу. Возможно ей показалось, но он тоже мурлыкал какую — то мелодию.

В избе снова пахло морозной свежестью и хвоей. Пол поблескивал и казался парадным, как в праздничных залах с книжных картинок. Половица не скользила, а надёжно сцепилась с полом.

— Чего так долго? — спросила недовольно Ризна.

— Запах крови может привести к дому хищников, поэтому я собрал грязный снег и отнес подальше.

— Молодец, но чтоб ты знал, хищник этот тоже еда, — фыркнула девушка.

— Извини, не подумал.

— Вот поэтому я прошу тебя не мешаться.

— Ладно. Хотя бы зайца разделать я могу помочь? — сказал парень, заметив упорную работу девушки.

— Я всё, — девушка пыхла, разрезая толстую трубчатую бедренную кость.

— Да дай уже! — почти крикнул тот, пытаясь забрать нож, но упрямство девушки было запредельным.

— Я сама, — Ризна сбегала с ножом в руках в сени и вернулась с железной подковой и принялась колотить ребро ножа под костью. Стол подпрыгивал вместе с блюдом и доской под тушкой, пока лезвие не разрубило упрямую часть. Со второй костью она проделала тоже же самое.

— Помой и закинь сюда, — смягчив голос сказала Ризна.

— Никаких пожалуйста?

— Ты же рвался помочь.

— Ладно.

Агнеш опустил ягоды, которые закрутились в миске, вместе с кусочками мяса, соли и зеленых веточек можжевельника. Он отодвинул стул дальше от стола и развернул его к себе спинкой и сел, расположив раненую руку на торце спинки стула, наблюдая за суетой девушки.

Ризне всё еще было неловко от своего приступа, и она решила, что бытовая возня поможет отвлечься ей и ее гостю. Она привыкла к небольшим провалам в памяти, поэтому даже не старалась ничего вспомнить, но чувствовала, что в этот раз возможно упускает что — то важное, но ничего не поделаешь. А то, что она помнила перекрывало с лихвой все огорчения, ведь он будет с ней. Скоро они вместе отправятся в дальний путь и ей даже не придется ничего придумывать. Он обещал! Когда она жила здесь, ей не казалось это чем-то странным, но стоило ему оказаться в ее доме она поняла, как ей было здесь тоскливо и временами очень страшно. Заболело горло или повредила ногу — выкручивайся сама. Поэтому болеть она боялась до ужаса. Вообще оказывается она была жуткой трусихой: боязнь одиночества, болезни, что еще прибавится за эти дни и думать не хотелось. Ей казалось она сильная! Пусть так и остается.

В печке томилась долгожданная горячая пища, а они молча сидели у стола, мечтая ускорить время.

— От этого запаха можно с ума сойти, — сказал парень.

— Еще немного.

— Может пойдем подышим? — предложил Агнеш.

— Тебе лежать полагается, а не бегать.

Парень глянул на неё умоляюще.

— Совсем забыла! Чернушка-чернота, — девица хлопнула себя по бедрам, забыв о синяках и стиснула зубы от боли.

— Я должна найти мазь для тебя и довести до ума.

— Где она?

— В подполье.

Девушка и парень оделись в верхнюю одежду и вышли в сени.

— Я тебя догоню, — сказала она намекая, чтобы парень выходил на улицу, но тот остался. Девушка с силой дергала незаметное ранее железное кольцо в полу. Упираясь ногами, она продолжала бороться с упрямым люком. В этот раз солдат не выдержал и отодвинул девицу и с первого раза открыл дверцу и заглянул в квадратное отверстие пола с лестницей в темноту. Ризна подобрала к животу подол юбки и ловко спустилась вниз.

— Как ты будешь искать в темноте? — брезгливо произнес он.

— По памяти, на ощупь.

— К чему такие трудности, если можно зажечь лучину или свечу? — громко сказал он в пугающую темноту под ногами.

— Нашла!

С пузырьком в руках девушка поднялась на свет и опустила за собой с грохотом тяжелую дверцу, одернула юбку и

последовала на улицу, убирая пузырек за пазуху, чтобы тот не замерз.

— Снег. Он часто здесь бывает? — поинтересовался юноша.

— Иногда слишком часто, а иногда его долго нет. А у Вас?
— медленно произнесла Ризна.

— Не знаю, я редко выхожу за пределы города.

— В смысле? Снег в городе не идёт?

— Да. Наш город полностью защищен от ветра, осадков и пыли.

— Надо же! И какого это?

— Очень удобно, не нужно думать, что надеть, всегда восемнадцать тепла.

Девушка обняла себя за плечи услышав невероятную цифру.

— Как ты определяешь время? — спросил Агнеш.

— Зачем мне это?

— Чтобы знать.

— И что мне это даст? Когда вставать или ложиться я знаю и без того, — усмехнулась с грустью Ризна.

— Я бы так не смог, сбился бы весь режим, — сказал парень.

— Привыкай.

— А если ты проспишь что-то важное?

— Например? — изумилась она.

Нелепое выражение на лице парня, говорило, что он по-

нял какую глупость сморозил.

— А ты? Что важное есть в твоей жизни?

— Да много всего! Режим. День рождения Аннаме. День... о, — парень закашлял, — Не знаю, день Света, — парень говорил сбивчиво.

Что-то скрывает, подумала Ризна, странно.

— Не густо, — отметила Ризна, ожидая услышать намного больше.

— Празднования идут несколько дней и это очень массовые мероприятия.

— Скажи, у вас есть армия? Кто защищает Аннаме?

— Конечно. Есть. Армия индустриалов, — ответил Агнеш, с гордостью в голосе.

— Какая у них форма? — она затаила дыхание, ожидая ответ.

— Черная, — спокойно проговорил Агнеш и посмотрел на забор.

Ризна выдохнула, вспомнив черную форму солдат с открытки.

Значит, когда он говорит правду, то спокоен. И это приятно.

— Думаю если не покормлю тебя прямо сейчас, то ты начнешь грызть палки от изгороди. Может сперва перевязку? — хохотнула она, забегая в дом и топая в снях, отряхивая налипший снег.

В ту же миску, из которой они ели кашу, Ризна навалила

с горкой пышащее жаркое. А он не так бесполезен, отметила Ризна и сглотнула обильную слюну.

— Чего ты ждешь? — спросила девушка, когда вернулась к столу с отваром.

— Тебя. За пищу принимаются вместе.

— Выкладывай весь список правил— не стесняйся. У меня память хорошая. — Ризна отчаянно не хотела признавать, как много она не знает о порядках в Аннаме и одновременно желала узнать их все и стараться соблюдать.

— Ты часто голодаешь?

— Бывает. Стараюсь экономить запасы.

— Это ужасно. В наше время, когда еда в достатке, — Агнеш зачерпнул жаркого на кончике ложки и девушка это заметила.

— Будешь ограничивать себя в еде— значит дольше выживать, — Ризна дождалась пока он зачерпнет полную ложку и продолжила есть, покачивая ногой под столом.

— Теперь рука, — скомандовала девушка, когда они закончили трапезничать. Она достала чистые кусочки ткани и надрезав их клинком, разорвала на полоски и положила оружие на стол.

— Я могу взглянуть? — спросил парень, глядя на оружие.

— Глазами, но не трогай, — ревностно ответила она. Никто не будет лапать дорогую ей вещь.

Парень осмотрел клинок, сильно наклонившись к нему и задержал взгляд на рукояти:

— Подарок?

— От деда. Красивый, да? — гордо сказала она.

— Обычный, я видел такие раньше — сказал он спокойно и отвлекся, когда Ризна неудачно задела рану на его руке.

Она думала, что её оружие особенное, несет какой — то особенный смысл, ведь его рукоять и лезвие состояло из двух материалов металла и обсидиана, но оказывается клинок обычный, такой есть у многих. Клинок не особенный и она, обычная, глупая дикарка. Сердится на парня, обесценившего её сокровище ей не хотелось, но она очень старалась, ведь он просто сказал правду.

Слегка затвердевшая мазь наконец-то поддалась и приняла в себя остальные ингредиенты. Кожа вокруг воспаленной раны жадно впитывала целебную мазь, наносимую её заботливыми, но грубоватыми пальцами с ссадинами и царапинами. Ризна дотрагивалась и вздрагивала, тщательно пряча свою реакцию. Она вспоминала своего дедушку, то как он задевал её макушку или замерзший нос, но это было по — другому. Что этот парень чувствует, больно ли ему? Смотрит ли он на неё сейчас и что думает? Какого ему здесь, с ней в этом лесу. Наверное, он мечтает оказаться дома, в привычном мире. Девушка взглянула на него и приложила повязку. Парень перестал смотреть на рану и разглядывал что-то за её спиной.

— Что ты отмечаешь крестиками?

— Ничего, — непринужденно ответила она, — Вчера

здесь болело? — спросила, надавливая на расстоянии от порезов.

Зачем объяснять свои глупые выходки, как эту: без всякой луны наугад зачеркивая дни.

— Нет, не болело.

— Плохо. Начинается воспаление. Это очень хорошее лекарство, вот увидишь, — сказала она, надеясь всеми силами, других вариантов у них не было. Надежда стала её лучшим лекарством от всего.

— Ты всё потратила на меня, — сказал парень заметив пустой пузырек.

— Сделаю новую, — Ризна соврала, она никак не могла сделать, потому что половины состава она уже давно не могла найти, как бы далеко не уходила.

— Через пару...хм...снов я смогу нормально ходить.

— Давай без геройств.

Как же начать этот дурацкий разговор, целью которого был Аннаме. Ей отчаянно хотелось уже завтра двинуться в путь, но она не знала дороги и её проводник был еще слишком слаб.

— Ты же не всегда жила здесь?

— Всегда. Я жила с дедушкой, а потом он. В общем нет больше никого.

— Где твои родители?

— Не знаю. Никогда не видела их, а дедушка не говорил.

— Я даже немного завидую тебе, — смущенно сказал па-

рень, — Но...

— Что ты мелешь! — перебила его девушка.

— Да ладно, я понимаю, что должен быть благодарен и всё такое, но мне с ними бывает сложно.

— Они у тебя есть!

— Извини. Понимаю, как тебе не просто, — юноша поднял вверх руки, изображая будто сдаётся.

— Да ладно? — съязвила она. Ей хотелось ударить его или шлепнуть рыбьим скользким хвостом, так чтобы брызги полетели в стороны.

— А друзья? Они где? — спросил Агнеш.

— С этим беда.

— Не знаю порадует тебя это или нет, но у меня друзей тоже не густо.

— Не подходят его величеству? — сказала Ризна, ещё не отошедшая от его фраз о родителях. Не важно какие родители! Она бы любила любых, давили бы они на неё или ругали.

— Звучит ужасно, но так и есть. Да и это у нас не поощряется, — ответил Агнеш и пожал плечами.

Ризна закатила глаза вверх.

— Предлагаю тебе мою дружбу. Ризна, будешь моим другом?

Девушка придвинула свой стул ближе к Агнешу. Серые глаза, напротив раньше почти сливавшиеся с бледным лицом, сейчас казались ярче или причиной этому был их озорной блеск.

— Друг, — смаковала она, произнося новое для неё слово и улыбнулась. Внутри она словно засветилась и впервые почувствовала, как ее сердце отбивает удары. Время будто заново пошло. Секунда, две, три, четыре, пять. Друг может умереть. И тогда свет погасила тьма. Она обволокла внутри и растворила радость. Потеря нового чувства выдавливала из неё слезы. Нельзя быть слабой! Нельзя никому показывать. Ризна тряхнула головой, оживляя свои рыжие пружинки волос. — Очень тебя понимаю, мне есть из кого выбирать: кабаны, волки, медведи. Но что-то не можем найти общий язык. Бегают быстро, когти-клыки островаты. И друзья не хотят тебя убить, с этим у нас главная сложность.

Агнеш снова посмотрел вдаль за окном и сглотнул.

— Скучаешь по дому? — предположила девушка причину его реакции.

— Два дня здесь, как месяц в Аннаме, время тянется медленно и тягуче.

— Меня тоже это жутко раздражает.

— Нет, — добавил парень, — мне это даже нравится. — Нравится, что не знаешь, что будет дальше, как начнется и чем закончится день. Да и вообще он может вообще не заканчиваться.

— А там? У тебя.

— Там тебе не дадут забыть какой сегодня день и что будет каждый час. Жизнь распланирована далеко наперед, пожалуй, до самого конца.

— Ты знаешь, когда это произойдет?

— Что?

— Когда закончится твоя жизнь.

— Конечно нет, — усмехнулся он, — это пока не известно никому, но, — парень сделал паузу, — это, пожалуй, единственное, что нам пока не под силу.

— Ты бы хотел знать?

— Наверное нет. Это как читать книгу зная, чем она закончится.

— А я бы хотела, — призналась Ризна, — можно всё спланировать и успеть сделать.

— Определить план количества пойманных оленей и собранных ягод? Чего тебе здесь успевать? — Агнеш стряхнул со стола несколько крупинок сушеных листьев, упавших с потолка.

— Думаешь я останусь здесь до конца?

— У тебя нет других вариантов.

— Почему?

— Ты дикарка.

— И что?

— Таким как ты не место среди нас.

— Не место?

— Да. Вы слишком отстали от прогресса.

— У меня никогда не было друзей, но я уверена, что настоящий друг так не скажет. Девушка громко отодвинула стул и забралась на печку. На сегодня достаточно. Ризна лег-

ла на живот и вырубилась, не смотря на мысли и взбудораженные за день чувства.

Глава 9

В комнате стоял полумрак.

Надо же, задернул шторы.

Ризна потянулась, хрустнула косточками на пальцах ног и сползла с теплой печи. Судя по затекшему телу спала она дольше обычного. Дров на полу у чугунного окошка поубавилось, значит Агнеш подкидывал их чтобы печь не затухла.

А он неплохо справляется для белоручки. Куда опять делся? Неужели охотится с его-то рукой.

Ризна вышла во двор, вдохнула морозный колючий воздух и выпустила ртом густой пар. На рябине, что за забором, пузатый снегирь клевал ягоды с крупной грозди. Птичка шустро наклоняла серую головку, острым клювом ягодку, насаживала и закидывала в рот, и прокалывала следующую, навшись та взмыла в небо, расправляя пестрые черно-белые крылья на красном тельце.

Давненько тебя не было, Пузырик. Клюква надоела, лакомишься рябинкой? Погоди у меня есть для тебя кое — что.

Девушка хлопнула в ладоши и в небо взлетели ещё несколько птиц, удаляющихся красными точками, но Пузырик терпеливо ожидал, как из кармана появиться ладонь с ягодами клюквы, которые перекатились на нетронутый снег у забора. Птичка быстро склевала положенное и снова взле-

тела на перекладину забора.

Ризна наклонила голову в разные стороны, повторяя за птицей, растянула руки в стороны, собираясь будто вспорхнуть, потом встала на четвереньки, коленями на утрамбованный снег дорожки, вытянула перед собой руки и перенесла по-кошачьи вес на ноги и прогнулась. Расставив ладони под плечами, она изогнула спину выпятив её вверх, потом вниз и так несколько раз. Теплая рукоять клинка приятно согревала руку и сросшись с ладонью описывала круги в воздухе, пока тело приняло привычное вертикальное положение. Ризна перебрасывала клинок из одной руки в другую и продолжала двигаться, сгибая колени и локти. Она скользила правой ногой по искристому снегу и поднимала, оставаясь стоять на одной ноге, как цапля. Такую зарядку она называла «оживляшка», приводившая ее в состояние если не радости, то хотя бы не тотального безразличия к себе и окружающему миру. После она возвращалась домой, перекусывала сморщенными дольками яблок и отправлялась на охоту, а вернувшись, плотно обедала, приготовив пойманное в печи и перечитывала книги из сундука, в основном книги по грамматике, об охоте и рыбалке, о животноводстве, отдельно книгу по коневодству, строению человека, по лекарственным растениям, как делать из них мази и отвары, поваренная книга и несколько сказок и приступала к тренировкам пока не валилась от усталости и не засыпала, стоило только опустить голову на соломенную ароматную подушку. Если она нару-

шала свой режим, то обязательно мучилась от бессонницы, головной боли и голода. В дни, когда мало двигалась она съедала еды в два, а то и в три раза больше. Дедушка объяснял ей эту странность тем, что одни энергию тратят и получают ещё больше, а другие наоборот валяются без сил. Но такого объяснения ей было мало. Есть другие, вот что она точно понимала, а остальное... Остальное она обязательно разужнает завтра или послезавтра. Чтобы не терзаться догадками, Ризна забиралась по снежной горке на крышу избы и наблюда- ла за живыми существами вокруг, запоминая их движения. Горлица чистящая крылышки, белка щелкающая скорлупой, жук, заползающий в щель под кору клена, зверушки замед- ляли стук ее сердца и желание задать все вопросы разом. А по утрам или на тренировке, она повторяла эти движения, за неимением других учителей и это стодиться.

Когда скорбь по дедушке сошла и при воспоминаниях о нём из глаз перестали литься слезы она начала встречать в лесу тигриные следы. Руки и ноги карабкались по стволу крепкой сосны прежде, чем понимание, что ждать полосато- го, возможно, придется слишком долго, а при ней нет даже перекуса. Голодать ей не привыкать, поэтому устроившись на плоской ветке она пересчитывала иголки, потом сами вет- ки, а после дерева, так она могла бы уснуть и свалиться с дерева, если бы не рыжие пятна между кустарниками, плав- но двигающиеся, словно плывущие по воздуху. Грациозная полосатая спина кружила под деревом, на котором таилась

Ризна, а потом свернулась калачиком вокруг ствола. Такого девушка не предполагала и осмотрелась, ей теперь не светило безопасно перепрыгнуть, остальные деревья росли дальше, чем необходимо для прыжка.

— Елки зеленые, — выпалила она, а тигр поднял голову и поймал девичий испуганный взгляд. Он зевнул и разлегся поудобнее.

— Ты другого места не нашёл, чтобы дрыхнуть?

Тигр снова посмотрел на Ризну. Янтарные глаза очерченные угольной кожей век. Усы и вибриссы обволакивал иней. Полоски на шкуре изгибались, уходя под брюхо. Длинный хвост, с черным округлым кончиком лениво играл в воздухе поднимая в воздух снежинки.

— Может ты вообще тигрица, судя по твоим размерам и грациозности. У меня уже ноги затекли, — пробормотала Ризна и топнула ногой так сильно, что ветка под ногами без удовольствия хрустнула. — Сразимся терпением? Валяй! — Тигрица взмахнула хвостом и опустила его.

— Дедушка бы не позволил мне сделать такую глупость. Он всегда просчитывал наперед, предполагал самые невероятные варианты, не то что я. Говорил же, что я глупая ворона, а я противилась. Прав он. Вот зачем я залезла? Сдалось мне твое тигриное величество. — Ризна говорила это, считая полоски на тигриной макушке. — Восемнадцать, или нет, — и пересчитывала заново. — Семнадцать, если считать разветвленную полоску, как одну. Скоро снег тебя завалит,

и ты превратишься в снежную фигуру. Иди уже, а?! У тебя ведь есть тигр и может тигрята, и кроме меня тут есть чем подкрепиться, вон глухарь, слышишь клокочет, я ведь просто хотела тебя рассмотреть поближе.

Любопытство — порок. Вот до чего довело.

Тигрица встрепенулась, стряхнула снег и потянулась, изгибая мышечное тело с лоснящейся шерстью. Легла на спину и дрыгая лапами царапала кору на стволе. Вдоволь извалявшись она снова встала на все лапы и повернула морду к хвосту, лениво давая себя рассмотреть со всех сторон.

— Какая ты чудесная! — проговорила девушка, не отрывая глаз от тигрицы, — Жаль, мы никогда не сможем с тобой подружиться. Мы из разных миров. Хищница ещё немного покрутилась у сосны, виляя хвостом и большими прыжками направилась на север.

Всю дорогу до дома Ризна не могла отделаться от ощущения разговора с тигрицей. Да это был немой разговор, но полосатое создание слушало и понимало слова, иначе как объяснить её поведение? Как жаль, что она не может спросить об этом деда.

— Здравствуй, — четкий голос Агнеша издалека.

— И тебе не хворать, — отпрянув от воспоминаний проговорила Ризна парню, подходящему к забору.

— Бодро сегодня!

— Подморозило, — согласно кивнула она.

— Как твои конечности?

— Твоя мазь помогла. Намного лучше. Нога вообще почти не беспокоит, — спокойно сказал он, значит говорит правду, отметила Ризна.

— Поедим?

— Не откажусь.

Ризна вернулась в дом и подогрела остатки вчерашнего жаркого и вместе с Агнешем жадно прихлебывала пищу.

— Если ты снимешь штаны, я могу заштопать, а то куски ткани бултыхаются. Не знаю, как тебя, но меня это раздражает.

— Спасибо за куртку, — парень сел на матрас, накинул на ноги одеяло и под ним снял штаны, достал их наружу и смущенно протянул девушке.

— Заметил? — только и ответила она.

— Красный кружочки трудно не заметить.

— Другой ткани не было.

— Смогу найти свою куртку из сотни таких же. И теперь не продувает.

Ризна вначале сшила между собой рваные лоскутки, пришила их к остаткам ткани из своих запасов, а затем приладила аккуратными стежками заплатку к штанине. Агнеш не сводил глаз с девушки, пока та не закончила шитье.

— Принимай работу, — Ризна вернула парню штаны и складывала свои сокровища в берестяную шкатулку.

Парень сидя ловко впрыгнул в штаны под одеялом.

— Можно посмотреть? — спросил он.

— Иголку никогда не видел? — хмыкнула она.

— Пожалуйста, — девушка недоверчиво посмотрела на Агнеша и разложила по столу несколько катушек ниток, тонкую и толстую иглу, уголек для рисования и портняжные ножницы. В шкатулке остались лежать пяльцы с натянутой в них льняной тканью.

— Я знаю, как это называется и зачем, но никогда не видел и не использовал. Покажешь?

— И кто из нас дикарь? — брякнула она и вдела нить в иголку, — Вот так протыкают ткань и пришивают, — показала она.

— А это что? — указал он на открытую шкатулку.

— Вышивка гладью, — девушка показала склонившемуся к её рукам парню.

— Ничего себе! Нитками? Сколько же времени ушло на этот цветок? — парень изучал изображение на ткани, сколько по цветным стежкам тонкими и ухоженными пальцами.

Девушка удивленно посмотрела на парня. Ему понравилась простая вышивка. Вернее вышивка была хоть и маленькая, но требовала особого внимания в работе, потому простой её не назовешь: букет из стебля мака, василька и одуванчика стянутый черной лентой, завязанной бантом. Вышитый бабушкиной рукой выпуклый рисунок на носовом платке был не окончен и один край ленты оставался непропорционально коротким. В месте где вышивка заканчивалась и

начиналась белая шелковистая ткань воткнутая игла ждала своего часа. Парень взял в руки пальцы и осторожно провел пальцем по объемному яркому букету.

— Ты позволишь попробовать?

— Вышивать?

— Всего один стежок.

Ризна могла бы завершить этот труд давным-давно, но намеренно медлила: ей казалось, что пока игла движется, тонкая связь с бабушкой, которую она знала лишь по запаху вещей и очертаниям предметов, не обрывается, а становится только прочнее. Окончи девушка работу и это будет просто платок, а сейчас это процесс, и когда-нибудь, когда придет время она обязательно это сделает, но в какой-то особенный момент. Поэтому позволить сейчас какому-то проходимцу дотронуться к дорогой вещи и приблизить даже на один стежок окончание работы она не могла. В то же время его просящий взгляд и то с каким восторгом он оценил вышивку и как бережно он касался нитей вынуждали её разрешить.

— Один! Не больше! — она ревностно передала гостю вышивку и вытянула иголку с заправленной нитью. Агнеш аккуратно взял дрожащими пальцами иглу и тут же выронил, а игла свесилась с натянутой ткани. Ризна тихо чертыхнулась. Парень взял иглу в пальцы здоровой руки, закусил нижней губу и не до конца воткнул острый кончик в ткань.

— Так? — неуверенно спросил он. Ризна внимательно проверила и одобрительно кивнула, помогая протягивать

иголку с изнанки. Агнеш выдохнул и приблизил к лицу платок, а потом вернул его девушке.

— Красотища, — Ризна улыбнулась, оценив не сколько стежок, сколько всю вышивку целиком. Парень улыбнулся в ответ, как мальчишка из иллюстрации в книге про выпечку. Счастливый карапуз там сидел перед горкой рогаликов на столе.

— Для чего эта ткань? Почему её украшают?

— Платок. Его носят в кармане. Если испачкал лицо, можно им вытереться.

— Стирать грязь этим произведением? — уточнил ошеломленный гость.

— Ну или дарят, на память. Так дед говорил.

— Фантастика! Человек дарит другому уйму времени и таланта, должно быть такие подарки дарят только самым ценным людям!

— Я не знаю, — Ризна поспешила собрать рукоделие и инструменты в шкатулку, убрала их в сундук и с грохотом захлопнула его крышку. Если он попросит сделать ещё один стежок, то она не откажет, а дальше что, вышьет всё вместо неё, ну уж нет, слишком дорогой подарок. Но то, с каким трепетом он говорил глубоко тронуло её. Он не такой сухой, каким казался раньше. А ещё он почти не доставлял хлопот и вел себя послушно, что прибавляло ему ещё несколько плюсов.

— Пойду словлю нам кого-нибудь. Ты со мной, если твоя

нога в норме? — Ризна могла бы молча уйти, но ей не терпелось посмотреть Улис в деле, проверить действительно ли его нога восстановилась и готов ли Агнеш к дальнему путешествию.

— Иду, — парень оживился, встал со стула и вытянулся стрункой.

Глава 10

Агнеш уверенно шел рядом с Ризной, действительно не прихрамывая, в отличие от неё.

Когда меня это стало тревожить? Иду как умею.

Девушка запланировала обойти территорию по дальнему кругу, как следует нагружая ноги. В ней боролись желание собрать манатки и двинуться завтра же в неизвестность и необходимость включить голову и тщательно подготовиться к долгому пути. Изредка поглядывая на Агнеша и его неприлично длинные ноги, она шагала, выбирая не самые пологие участки маршрута.

— Мы ищем кого-то особенного?

— Почему так решил?

— Иначе зачем идти в такую даль? Зайцы имеются и поближе.

Ризна мысленно ругнулась.

— Покрупнее поймает хватит на несколько дней.

Заодно и проверим не намылился ли куда гость.

— Логично, — отметил с пониманием парень, — Кабан

или олень? — спросил он попозже.

— Смотри под ноги! Чьи следы увидим тот и будет, — с раздражением ответила девушка. Периодически её искрило от его царских замашек, будто он не на охоту вышел, а во двор за малинкой прогуляться, хотя в последнее время она сама охотилась, присвистывая и разговаривая с птицами. Может поняла, что терять нечего, а может перестала бояться, кто знает. Дед бы точно подсказал.

Они прошли совсем рядом от того места, где впервые встретились и углубились южнее. Девушка приложила к губам палец и зашипела. Парень наконец обратил на неё внимание и понимающе прикрыл глаза на миг. Быстро заведя руку за спину Ризна достала лук и натянув тетиву выпустила первую стрелу. Глухарь заклокотал и его пернатая тушка вместо того, чтобы упасть ничком, взлетела низко над землей. Агнеш пустил из своего Улиса несколько ярких вспышек и птица наконец шмякнулась далеко за кустистым холмом.

— Добротный у тебя брусочек, — победно воскликнула она и понеслась за будущей трапезой, хруст быстрых шагов за спиной, подсказывал, что парень нагоняет.

Девушка даже не запыхавшись пробежала, лавируя между цепких кустов терна и ухнула с косогора прямо на попе. Растрепанная птичья тушка висела в лисьих зубах.

— Вот ты наглая! Я подстрелила! Мое! — Ризна одной рукой держала клинок, а второй вытащила копье и тыкала в

воздух рядом с лисой. Тут и спугнуть нельзя иначе убежит и не догонишь и провоцировать на атаку тоже не разумно. Хотелось бы, чтобы та выронила тетерева и свалила, но это была бы сказочная удача.

У нас же есть Улис!

— Агнеш, — позвала парня несколько раз, но он не отзывался. Она не могла обернуться и посмотреть, выпуская из виду лису и продолжала звать его.

Разберусь с добычей, дальше как получится.

Приближение к рычащей рыжей псине и направленное острие копья прямо в глаз лисице не понравилось, она резко развернулась и понеслась прочь от Ризны, та пустилась её догонять и, наверное, догнала бы, если бы не устремилась куда-то под землю и пролетела несколько мгновений в темноту.

Лежа на мерзлой земле, она увидела перед глазами хвойные ветви и сквозь них просвечивающее то же серое небо и почувствовала жгучую резь в спине и не смогла подняться. Она попыталась крикнуть, но не смогла даже прошептать от обжигающих тисков в груди. Полностью обездвиженное тело разрешало Ризне лишь медленно смыкать ресницы.

Глава 10

— Так значит ты поохотился за белочками для сестры? Трое суток без снаряжения!

— Она спасла меня, прикрыла собой, понимаешь!

— Дикари безжалостно убивают, а не защищают и спасают! Ты точно словил белочку, только вот какую. Забыл про свой долг?

— Я знаю, что должен был сразу перерезать горло этой дикарке, даже если та уже лежит мертвая.

— Если узнают, что ты выкинул— тебя сразу снимут с миссии и отправят на переподготовку в архиваторы, где нюхать впредь не девиц, а только пыль и амбре уныния таких же слабаков как ты.

— Что ты им сказал?

— Ты опытный следопыт и возможно вышел на след целой группы.

— Поверили? Ты же не умеешь лгать.

— Как и все мы. Но ты и правда опытный, так что технически я не лгал. Почти.

— Оказывается придумывать и говорить ложь легко, я даже удивился как это у меня ловко выходит.

— Несказанно рад. Ты хоть понимаешь, что всем рискуешь?

— Дай мне три часа.

— Что ты задумал?

— Я... мне... всё потом. Ладно? Тебе лучше не знать. И не следи за мной.

— Bravo, Агнеш. Во что ты меня втягиваешь?

— Агорий. Жди меня тут. Если ты вернулся, значит я могу тебе доверять?

— Заведи себе таймер. Сейчас. Я здесь не для твоего развлечения.

— Хорошо! Хорошо! Я должен найти её.

— Сделай, что должен, — незнакомый низкий голос только что вынес Ризне смертный приговор.

Агнеш соврал ей про цвет формы, про то что его нога зажала, и про клинок, что он обычный, когда он говорил спокойно, он наоборот врал, она сделала неправильные выводы.

Слыша каждое слово, она не понимала кричать ей о помощи или молчать, чтобы её не прикончили в этой самой яме-могиле. Агнеш солдат и должен её убить, но почему-то не сделал этого, а потом она спасла его, хотя он оказывается был для нее не меньшей угрозой чем волк. Что же делать? Умирать мучительной долгой смертью или быстрой от одной лазерной вспышки. Для кого-то выбор мучительный, но для неё очевидный.

Быстро! Хотя бы. И не в одиночестве.

Ризна просчитывала варианты, понимая, что решается её жизнь и то какой выбор она сделает зависит будущее и будет ли оно. Мерзлая земля добралась до спины, но боль от падения не унималась. Ее веки стали слишком тяжелы и не в силах их держать они опустились. Ризна отсчитывала стук сердца, отбивающий вслед за болью в спине.

Глава 11

Чернота. И так чернота. Что? Смыкая и размыкая глаза,

та же чернота.

Что тьму твою происходит!?

Снег засыпал лицо или она уже мертва. Новая попытка. Что-то произошло. Как долго она находилась в забытьи. Желтоватый отсвет почудился ей где-то наверху. Неужели это? Неужели наступила! Настоящая ночь. Впервые за... за неизвестно сколько времени. Ночь давила своей чернью или поглощала, съедая все на своем пути. Впитывая в себя эту тяжелую субстанцию, Ризна решила бороться! Свет сквозь тьму сделался ярче. Серебристый снег заискрился кристаллами. Невозможно в это поверить. Невероятно.

— Ризна! Ризна! Ты где?!

Снег посыпался ей на лицо и опять перед глазами его лицо. Все повторялось, только в этот раз она знает, что над ней нависает солдат-убийца и он ищет её. Ризна услышала шаги совсем близко и сделав небывалое усилие засвистела. Чужие ступни приземлились совсем близко к её голове. Лазерный отсвет Улиса в руке солдата говорил о его четких намерениях на счет ее дальнейшей судьбы. Она зажмурила глаза и поняла, смерть наконец пришла за ней, но она этому не рада. Не сделала она совсем ничего, чтобы уходить на покой. Агнеш взял её в руки и поднял в воздух. Ещё мгновение и она на снегу уже не в яме-ловушке.

— Ризна, ты как?

Никакие звуки не выходили наружу из её рта. Слезы капались по щекам от огня в спине, она смогла лишь пошеве-

лить и протянуть руку вверх. Улис лежал на земле и освещал как фонарь темную ночь. Ореол, исходящий от оружия показывал прячущееся падение снежной крупы. Нескончаемый медленный полет гипнотизировал, но она нехотя оторвалась и сместила свой взгляд на небо, туда куда смотрела с затаенной умирающей надеждой и там появился серебристо-белый шар. Небо уже не казалось мрачным. Луна? Это точно луна. Она не могла забыть. Она поморгала, чтобы слезы не мешали ей лучше рассмотреть чудо.

— Ты тоже это видишь? — спросила она.

— Да.

— Тебе страшно?

— Я знаю должно быть, но нет.

— Почему?

— Не могу бояться за многое сразу. Страшно за тебя!

— Что плохого в ночи?

— Она пожирает все! Поэтому мы от неё избавились.

— Зачем. Ведь мы живы!

— Неизвестно сколько.

— А солнце. Солнце вы тоже уничтожили?

— Приручили. Это все мешает нам быть совершенными людьми. Мы можем жить без их влияния.

— Но это. Это неправильно. Людям нужно и то и другое. Я живу здесь и вижу, как постепенно умирает все живое. И я не понимаю, как оно до сих пор ещё живо. Как я... — Чего ты ждешь? Почему не убьешь меня? — зашептала Ризна,

вытащив самый страшный вопрос из себя.

— Я не сделаю этого, — Агнеш суетился рядом, осматривая её конечности, но она не понимала почему до сих пор дышит. — Ты хороший человек. Ты. Интересная. Сильная. Живая. Да— дикарка. И что? Ты другая. У нас таких нет. Мы ничего не чувствуем, едим и не чувствуем, ходим и не чувствуем. За нас решают все, наша задача подчиняться. Это не безопасность — это прах. А здесь жизнь и ты её часть.

— Но я же... А! — восторг вырвался с горячим паром из рта Ризны. Звезды. Россыпь кристаллов показалась разом на черном бархатном покрывале вокруг ночного светила.

— Где больно?

— Нога.

— Эта? Парень прощупывал голень сквозь плотный слой штанины.

— Похоже перелом, сможешь идти?

— Попробую. У тебя же рука.

— Не переживай, я в порядке, — опять сказал он спокойно.

Ризна напряглась, поднимая голову, но все поплыло перед глазами, парень остановил её:

— Не надо.

Теперь уже он тащил её на своей спине до самой избы и приговаривал, о том, что всё будет хорошо, а путь им освещали ночные гости и верный Улис.

Глава 12

Добравшись до избы, Агнеш опустил девушку на матрас у печи, и девушка прижалась к её теплой стене. Спазмы в спине мгновенно прекратились и боль холодила только в ноге.

— Я вернусь за тобой, ты не сможешь сейчас идти, — спокойно ответил он, а значит не вернется.

— Нет. Ты не вернешься, я знаю. Зачем ты врешь? Про форму, про то, что твои раны зажили? — про клинок Ризна решила пока не упоминать.

— Я берег тебя, как мог.

— Вот как. Не знала, что ложь — это забота. Надо попробовать.

— Не надо. В твоём мире без правды не выжить. Меня ждут в моем. Если я не вернусь, то застряну здесь надолго.

— Возьми меня с собой, — думать о том, кто ждет Агнеша в Аннаме не хотелось ни думать, ни представлять, но образы влетали в голову без спросу. Высокая белокурая девица с идеальным носом и длинными ресницами ждет его, а может и не одна, кто знает какие у них там порядки. Конечно, как он возьмет ее с собой, если там все идеальной красоты.

— Ты. Ты не можешь ходить и там наш отряд.

— Они убьют меня?

— Если увидят.

Конечно, они прикончат меня, уничтожат мое несовершенство, одним лазерным взмахом и пулей.

— Тогда. Сделай так, чтобы этого не случилось.

— О чем ты?

— Ты возьмешь меня с собой, не знаю, как, но ты сделаешь это. Ты должен мне! — Ризна говорила, сдерживая в голосе отчаяние.

— Почему просто не дождаться? Я все улажу и вернусь.

— Этого не произойдет. Что— то помешает тебе, я уверена. Или кто— то, мысленно добавила она.

— Ты боишься снова остаться одна?

Боль ударила в виски девушки, и она вскрикнула, вспомнив отчетливо слова Агнеша: «Я должен был убить тебя».

— Что? Где? Чем мне помочь?

Ризна усмехнулась:

— Кое— что вспомнила. Фразу, произнесенную в тумане. Я долго думала откуда этот голос. Он был твой-испуганный и хриплый, такой как сейчас.

— Что? — затаенно спросил Агнеш.

— Я не за тем тебя пощадил, чтобы ты через день умерла, — хмыкнула девушка и стерла с глаз слезы.

Агнеш ошарашено смотрел на неё.

— Значит ты слышала? И всё равно лечила меня, кормила?

— Я не была уверена в том, кто это говорил.

— Но ты же здесь одна и как ты говорила, никого не знала кроме деда.

Ризна поняла, что он припер ее к стене из ее собственных иллюзий, за которой таится правда.

— Не стоит произносить вслух то, что и так понятно.

— Ризна! — парень ахнул с восторгом и прижался головой ей к животу. — Ризна— ты самый странный человек, которого я встречал. Никто не думает так нерационально и нелогично. Я никогда не обижу тебя, знай!

— Значит ли это, что возьмешь меня с собой?

— Да, но вначале я должен встретиться с Агорием, — обеспокоено ответил Агнеш.

— Тот, с кем ты разговаривал?

— Да. Я должен быть там у ямы, как можно скорее.

— Собери мои вещи, — скомандовала Ризна.

— Я вернусь и соберем.

— Нет, ты возьмешь меня прямо сейчас.

— Агорий убьет тебя!

— Нет, если я убью его первым.

— Тогда мы не сможем выбраться отсюда.

— Доберемся пешком.

— Это слишком далеко и в Аннаме пропускная система, у тебя нет чипа.

— Тогда, что ты предлагаешь?

— Я встречу с Агорием, попытаюсь все ему объяснить. Он подготовит место в вертолете, чтобы никто тебя не увидел, и мы спрячем тебя на борту.

— Согласна, но все это ты сделаешь вместе со мной, и я не буду ждать тебя здесь.

— Без Агория мне не справится.

— Что ты теряешь? Ну убьют меня или помру тут.

Агнеш задумался.

— За провал миссии лишают званий и выгоняют из армии.

— Ризикуешь наградами?

— У меня их нет.

— Что так?

— За пять лет я поймал только одного дикаря. И он приходит ко мне во снах. Видишь полоску на спине? Поэтому она такая тонкая. Всего один дикарь.

Ризна вспомнила тонкую черную полосу-нить на белой форме Агнеша и вздрогнула.

— Тебе нравится быть солдатом?

Конечно ему нравится, ведь ты сама об этом мечтаешь с детства.

— Я расскажу тебе об этом потом, а сейчас если ты так решила, будем собираться.

— А что потом? Что я буду там делать. Без чипа? — на самом деле Ризне было наплевать на это, но интересен был его ответ.

— Не знаю. Это же ты хочешь поехать. Я предоставлю кров и еду, как и ты мне, а дальше, когда тебе надоест, то придумаю как вернуть домой.

— Ты живешь один?

— Да.

— Возьми мешок с печки. Лук и копье в снях, костяной

гребень с подоконника и льняной мешочек под подушкой, — на этих словах румянец проступил на щеках, ведь она говорила про свое нательное белье, — И туесок с сушеными грибами.

— Грибы не понадобятся, как только мы будем с отрядом я раздобуду нормальной еды, с этим не будет проблем.

— Мне конечно далеко до вашего совершенства, поэтому собери всё, что я попросила, — рыкнула девушка.

Агнеш дернул плечом и отыскав мешок наспех закидывал в него, не глядя все по списку.

— Сделано, — сказал он, с луком и колчаном со стрелами на плече.

— Сможешь сделать ещё кое-что перед тем как донести до саней.

— Говори, конечно.

Ризна потянулась к ноге, расшнуровывая ботинок.

— У меня такое уже бывало.

Парень остановил девушку и сам расшнуровал правый ботинок, снял шерстяной носок, освобождая ногу девушки и закатал до колена грубую штанину.

— Обхвати одной рукой за ступню, другой за голень и дерни в разные стороны, — попросила Ризна.

— Ты серьезно?

— Это просто вывих. Мне раньше так делал дедушка.

— А если сделаю хуже.

— Сломаешь — будет дольше заживать и все.

— Ты так легко говоришь, это же дико больно.

— Сделай и мне станет легче. Пожалуйста.

Парень выдохнул и неуверенно взялся за ногу.

— Здесь?

— Да. Правую руку чуть ниже. Давай.

Агнеш немного поводил мягкими подушечками пальцев по голени и Ризна невольно прикрыла глаза от нежности этих прикосновений. Хруст привел её в чувство, жар резко вспыхнул по всему телу, и она взглянула в затуманенные глаза Агнеша.

— Как сейчас? — спросил он.

— Лучше. Спасибо, — девушка подтянула к себе ногу, намазала крошечными остатками мази со стенок флакона и обулась.

— Присядем на дорожку?

— Что?

— Дед говорил, что перед охотой на крупного хищника нужно сесть и немного посидеть и будет удача. А ещё Дед обычно сразу вспоминал, что забыл взять что-то важное, вроде стрел или запасных мешков.

— Странный ритуал. Давай сделаем, — улыбнулся он, безмолвно спрашивая куда ему приземлится.

— Садись на стул, а я здесь на матрасе и немножко посидим молча. Обычно он не подводил, — сказала Ризна открывая глаза, вспомнила страшного медведя и снова покорила себя за то, что Дед в ту охоту пренебрег ритуалом. —

В добрый путь!

— В добрый, Ризна. Удача нам понадобится. Если для этого нужно еще где-то присесть или почесать— покричать, ты говори— я легко, — Агнеш засмеялся и поднял Ризну с пола, взял на руки и вышел из избы. Девушка заглянула ему в глаза, но вместо веселья в его глазах мерцало отчаяние.

— Не веришь значит?

— Просто это пауза, чтобы собраться и успокоить тревожные мысли.

— Главное, что это помогает.

— Сработает и я буду делать всегда, клянусь, — уверил Агнеш.

— Вот увидишь, — произнесла Ризна, — Раз ты можешь держать меня, значит твоя рука действительно выздоровела.

— Все будет хорошо, — ответил он и Ризна поверила ему.

Уверенность в том, что в её жизни наконец-то происходит что-то правильное дала ей надежду на удачу и дело было не в простом ритуале, дело было в том, что она двигалась на встречу своей мечте. Она не боится будущего— смерти от неудачной охоты или голода, теперь это будущее изменилось, и она впервые в него верит, в будущее где есть другие люди, победившие природу, сильные и совершенные. Долгожданная ночь и скрип саней убаюкивали ее.

Глава 13

— Кажется мы на месте, — проговорил Агнеш, а Ризна с

трудом разлепила глаза ото сна, — Поищу Агория.

Ее сани, а она вместе с ними скрывались в гуще высоченного раскидистого и ароматного можжевельника.

— Не скажешь, чтобы я оставалась на месте?

— С твоей ногой? — удивленно уставился на неё парень.

— Ладно, иди, но постарайся быстрее.

Высокий и без того светлый силуэт, теперь удалялся, забирая с собой свет Улиса. Ризна чувствовала себя потерянной и испуганной. Что она будет делать, если Агнеш обманет ее и не вернется. Мешок с её вещами лежал рядом с ней. Даже если он улетит без неё, она доберется до Аннаме сама. И с чипом что-нибудь придумает. Спасибо парню, что она теперь хотя бы знает, что этот дивный мир существует. Что-то гложило её внутри, также как тогда, когда не давала себе вспомнить слова Агнеша, произнесенные им во время её приступа. Она упускала много важного, но упрямо закрывалась от этого.

Ночь, как и ранее ни сколько её не пугала. Лунный свет набирал свою силу, покрывая тайгу алмазными россыпями: на ветвях, на земле и в воздухе. Ветер усиливался и закручивал снежный воздух. Снежинки танцевали, не желая падать, смешиваясь друг с другом на покое земной тверди. В небе каждая была особенна своим искрящимся узором. Тьма давала ей покой, мир казался таким правильным. Что если теперь тьма будет всегда, как раньше серый день? Капельки холодного пота проступили по всему телу и Ризна задрожала.

ла. Почему все, что через край так пугает? Она видела однажды утром она видела на небе восход белого солнца, к полудню оно превратилось в желтый шар, а к вечеру в малиновый, ушедший за горизонт и наступила такая же звездная ночь. Но утром солнце не вышло, а за ней не пришла ночь. Сломанная серая бесконечность. Ризне было три года и дед сказал ей только одно: «Придет час и Великое небо докажет свою силу».

Может быть это время пришло? И как может быть велико, то что стало подвластно индустриалам? Выходит, они сильнее всех светил? А сила жизни и смерти? Агнеш также боится боли и конца, как и она, значит не все подчиняется им.

— Агорий не знает, что я попросил прикрытия не для себя. Он оставит грузовой отсек открытым, и я смогу перетащить тебя туда, вместе мы долетим до базы. Ты уверена, что понимаешь все риски? — Агнеш серьезно посмотрел на девушку. Он казался взрослее и суровее, чем прежде. Складки напряжено залегли на лбу. Настоящий солдат. Вот только делает он не то, что ему приказали.

— Я понесу тебя на руках, иначе с санями нас заметят.

— В этом нет необходимости, — Ризна подмигнула Агнешу и встала на обе ноги.

— Ты обманула меня?! — зло произнес Агнеш, сидевший на корточках у саней.

— Сон и мазь творят чудеса, — уголки губ девушки дрогнули, сдерживая улыбку.

Агнеш недоверчиво прищурился, в его глазах порезались тысячи произнесенных слов.

— Ну-ну, — Агнеш вскочил и стряхнул с плечей снег.

— Зачем было прикидываться?

— Темный чурбан, я проснулась, пошевелила ногой, а та прошла.

— Волшебным образом?

— Ты же вправил ногу. Спасибо тебе, — пояснила Ризна.

— Я не могу взять тебя с собой, — выпалил солдат.

— Опять по кругу.

— Я должен доверять тебе, но не могу.

— И что мне сделать?

— Поклянись.

— Да, легко.

— Поклянись тем, что тебе дороже всего.

Ризна бахнулась обратно на сани и зажмурилась, слишком много всего вокруг ее отвлекало от мыслей о том, что сейчас ей дороже всего: память о дедушке, вещи бабушки, пусть ее саму она никогда не видела, безопасность. Да и нет! Больше всего она дорожила своей мечтой, о том, что обязательно станет терпеливой и смелой и будет жить в стране, усмирившей светила и станет частью этой мощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.